

Эдвард Радзинский

ДОЧЬ ЛЕНИНА

ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ...

Эдвард Радзинский

**Дочь Ленина. Взгляд
на историю... (сборник)**

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Радзинский Э. С.

Дочь Ленина. Взгляд на историю... (сборник) /
Э. С. Радзинский — «АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-102419-2

Новинка от Эдварда Радзинского! Блистательная книга знаменитого драматурга и писателя в жанре «новой прозы или диалогов». Повести-пьесы объединены одной общей темой - взглядом на историю глазами женщины. Яркие характеры героинь не тускнеют со временем. Они все живут ради любви: императрица, возлюбленная революционера и веселая девчонка из 90-х. Невероятно остроумный взгляд на историю из разных эпох не оставит равнодушными поклонников бестселлера «Я стою у ресторана...»

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102419-2

© Радзинский Э. С., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Дочь Ленина	6
1979 год, январь	6
1985 год, август	7
1991 год, август, 18	20
Палач	40
Действие первое – Канун Галантной Революции	42
Действие второе – Революция	54
Действие третье – Плач Казота	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Эдвард Радзинский
Дочь Ленина. Взгляд на историю...
Сборник

© Радзинский Э. С., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Дочь Ленина Взгляд на историю из постели

1979 год, январь

В ярко освещенной комнате ползают по полу двое мужчин Мужчины плохи. Один из ползающих – известный в стране главный режиссер совсем известного театра, Другой безвестный актер того же театра и преданный собутыльник известного.

– Ой, беда... Ох беда то какая, – печалится режиссер.

– Крепись, друган! – соболезняет актер.

Подкрепились из стоявшей на полу батареи бутылок.

– Нету, нету Ленина, – сокрушается режиссер.

– Нету!

Ползают.

– А юбилей подкрался! 110 годков ему в следующем году. Мог ведь жить, – всплакнул режиссер.

– Он все мог. Одно слово – Ленин! Человек – гора.

Подкрепились еще.

– Кто у нас Ленин?! – неожиданно заорал режиссер. – Отвечай, враг народа! Кто?!

– Кто? – горестно ответил актер. – Нету!

– Я – Ленин! – вдруг выкрикнул режиссер.

– Пьянь ты, а не Ленин.

– Точно, какой же я Ленин?! Гавно я!

Подкрепились И продолжили ползать.

И все случилось.

Режиссер вдруг мутно взглянул на актера и прошептал.

– Едрена вошь! Ты – Ленин!!!

И тотчас захрапел в бесчувствии на полу.

1985 год, август

В темноте – стоны любви. Потом – страстный женский крик: «Мамочки, мамочки, мамочки, мамочки – о! о! о!».

Тишина.

Потом раздается тот же Женский Голос.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Ужасно кричу.

МУЖСКОЙ ГОЛОС: полный неги: Как хорошо!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Не люблю, когда про это говорят.

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Зажечь, свет?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Ненавижу свет...

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Ничего не видно...

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Ну зажги, зажги... там у входа.

Стук босых ног.

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Да где ж тут выключатель?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Справа от гимна... ну под Лениным... Вот Америка безрукая.

Скрип кровати, торопливый стук женских ног по полу. Она включает свет.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Ох, ёклмн, ну не смотри!

Освещается странное помещение. Огромная комната: с одной, пустой стены свисают ободранные обои... Но зато остальные стены в комнате щедро украшены: портреты маршалов Советского Союза, плакаты с изображениями великих полководцев и флотоводцев славного прошлого: Суворов, Кутузов, Нахимов и прочие. Над ними писанная маслом копия знаменитой картины: «Ленин читает газету «Правда». Рядом – плакат с текстом гимна СССР. Две другие стены – отданы коммунистической Партии: портреты генсеков КПСС: Черненко, Андропова. И большой плакат – члены Политбюро во главе с Горбачевым. Рядом – плакаты с правилами разборки и сборки автомата «Калашников».

К стене прислонены щиты с лозунгами – «Партия – ум честь и совесть нашей эпохи», «Да здравствует советский народ – неутомимый строитель Коммунизма».

Всю мебель в комнате составляют: стол, на котором остатки еды и пустая бутылка из-под шампанского, 2 стула – на них свалена мужская и женская одежда, и огромная кровать, около которой стоит полупустая бутылка шампанского.

Включив свет, Женщина опрометью бросается в постель. Голый Мужчина не торопясь следует за нею.

ОН: Но почему? Ты такая красивая...

ОНА: Я не люблю когда на меня смотрят.

ОН: Стесняешься?

ОНА: И не люблю, когда говорят на эти темы. Есть закурить?

МУЖЧИНА вновь вылезает из кровати и голый шарит в карманах одежды, разбросанной на стуле.

ОНА: Ну и бесстыжий...

МУЖЧИНА бросает ей пачку.

ОН: Я не курю... Это я купил на всякий случай...

ОНА: А я курю...

ОН: Здорово мы сбежали. Твой дружок в ресторане с ума сойдет?

ОНА: Хорошо говоришь по-русски.

ОН: Я и есть русский.

ОНА: Чего?!

ОН: То есть я американец, но русского происхождения.

ОНА: Эмигрантка-заморашка?

ОН: Нет, нет... Мои родители уехали туда еще до революции. Ну почему ты натягиваешь одеяло? Ты так хороша.

ОНА: Отстань.

ОН: Твое тело совершенно, и этот сводящий с ума переход от попы.

ОНА: Я ненавижу эти разговоры.

ОН: Твои ноги как ливанский кедр, твои губы... – ласкает ее.

ОНА: Ну перестань...

ОН: (шепотом) Может?...

ОНА: Не сейчас – я устала. Ну убери ногу... Жарко.

ОН: Я погибаю с тобой.

ОНА: Пекло под этим одеялом. Ну отвлекись. Ну лучше что-нибудь расскажи. Анекдот какой-нибудь... Я люблю анекдоты...

ОН: В Америке несмешные анекдоты. Лучше ты расскажи... Мне интересно: я ведь по профессии советолог (ласки).

ОНА: Опять ты! Ну не надо.

ОН: Специалист по СССР.

ОНА: Ну, я не настроилась... Ну подожди!

ОН: Как красиво висят твои трусики... Я сравнил бы их...

ОНА: Ну что ж ты такой неумный... Ну, хорошо, давай я анекдот расскажу: «Можно ли построить Коммунизм в Сахаре? Можно, но песка не будет...».

ОНА хохочет, ОН тоже вежливо смеется.

ОНА: Еще анекдот. Только затихни... Там... Знаешь, у нас Брежнев, Андропов померли один за другим. Назначали Черненко – он тоже откинул копыта... И вот мужик приходит на Красную площадь на очередные похороны. Гэбэшник ему: «Ваш пропуск?» – «А у меня абонемент...»

ОН: Класс! (ласки).

ОНА: Ну опять ты... Ну не надо, лучше слушай: на заседание Политбюро приходит Брежнев совсем грустный и говорит: «Последнее время западными радиостанциями распространяются слухи, будто наш товарищ член Политбюро товарищ Пельше – дебил. У нас есть заключение врачей, что все это бессовестная клевета империалистов... Да вы и сами знаете, какой большой смекалкой обладает наш друг, член Политбюро товарищ Пельше: когда на похоронах члена Политбюро товарища Сулова заиграла музыка, кто первым пригласил свою даму танцевать?» (хохочет)... Уймись... Ну всюду твои ноги – сколько же у тебя ног?

ОН: Я осьминог... У тебя не будет неприятностей с твоим другом?

ОНА: «Не понял»

ОН: Потерять такую девицу!..

ОНА: Ты серьезно?

ОН (не слушает – он в эйфории): Отбить бабу! Ну надо же! В Штатах у меня такие проблемы с женщинами... Я даже думал, что я импотент.

ОНА: Точно – нет.

ОН: Я и сам себе поражаюсь. Причем с самого начала... Пригласить танцевать девушку, которая пришла с другим, да еще увести ее – для меня – научная фантастика. А когда в танце я почувствовал твою грудь.

ОНА: Это когда я прижалась? Думаю – сколько же можно без толку танцевать!

ОН: Нет, нет у меня так никогда не было. У меня обычно проблемы.

ОНА: Ты уже говорил, Надо было давно попробовать с проституткой.

ОН: Не для меня... Как подумаю, что *это* за деньги...

ОНА: Ага, это всегда с мужиками: как подумают, что надо платить – сразу все пропадает. У меня есть подруга, она говорит: «Хочешь отвязаться от мужика – попроси у него займы». Народная Пословица!

ОН: Да и проблема СПИДА...

ОНА: Уж поверь – безопаснее проституток не бывает. Профессионалки, они все предусматривают, Милый, но по-моему, ты что-то не усек?

ОН: (не слушая): «Мы провода под током – к друг другу нас того гляди вдруг бросит ненароком».

ОНА: Да замолчи ты! Ты вправду не сечешь ситуацию?

ОН смотрит на нее.

Долгая пауза.

ОН (понял): Да ты что?!..

ОНА: Ну!

ОН: Неужели?!

ОНА: А тебе не объяснили, что это за ресторан? И какие там сидят дамы?

ОН: А... твой друг?

ОНА: Он прежде работал охранником, кстати, в твоей гостинице. Чтобы девушке пройти в интуристовскую гостиницу – надо иметь или такого знакомого или швейцара... И платить им – не только деньгами.

ОН: Почему же ты не захотела ко мне в отель, если у тебя такое полезное знакомство?

ОНА: Потому что теперь он в твоём отеле не работает... Но, как видишь, остался моим другом.

ОН: Сутенером!

ОНА: Ну вот, разобрался, наконец! Надеюсь «не в отеле» было не плохо?

ОН: И сколько я тебе должен?

ОНА: Немного по вашим меркам. У вас, слышала, меньше сотни не берут, У нас скидка – мы восемьдесят.

ОН: Чего?

ОНА: Думаешь, рублей?

ОН: Надо же – первая девушка, в жизни которую я отбил. Я гордился.

ОНА: Гордость – большой грех, любимый!

Он поднялся на кровати.

ОНА: Ты чего?

ОН: Я сейчас отдам, а то я забывчивый.

ОНА: Ничего, лежи, я не забывчивая – напомним.

ОН: Так было удивительно!

ОНА: Только не грусти.

ОН: (спохватился): Да! Мне ведь нужно звонить.

ОНА: Ну вот – сразу вспомнил про дела. Под кроватью. В смысле – телефон.

ОН (шарит под кроватью рукой): Как же я мог забыть!

ОН вынимает телефон из-под кровати.

ОН: Все удобства.

ОНА: Не все. Писать – идти на следующий этаж. В тридцать вторую квартиру – там одна бабуля обитает.

ОН: А что это, вообще, за помещение? (набрал номер) Алло! Здравствуйте, Свету можно? Меня зовут Борис. Дело в том, что вы меня не знаете. Она тоже. Я приехал из Ленинграда, от одного ее знакомого, и мне нужно срочно ей кое-что передать. А когда она вернется? Можно будет перезвонить – это не будет для вас поздно? Спасибо.

Вешает трубку.

ОНА: Значит ты Борис?

ОН: Я – Билл. Но в силу некоторых обстоятельств я не хочу говорить этим людям, что я из Штатов.

ОНА: Кстати, Биллчик, ты помнишь как зовут меня?

ОН: Честно?

ОНА: Забыл.

ОН: А потом как-то неудобно было спрашивать.

ОНА: Ну да, все так быстро случилось – «трам – бам – сэнкю мадам». А ведь я тебе сразу сказала – я всегда сразу говорю свое имя, чтобы успеть... Инесса, только не Инна, а именно Инесса.

ОН: Прости.

ОНА: Нет, ты прав: «Не повод для знакомства». Есть такой анекдот... Послушай, ты опять?!

ОН: (нежно) Как странно, а я думал, что все...

ОНА: Ну хорошо, ну выключи свет. И заодно выбрось окурки – аккуратно... Ведро справа от Ленина...

Он торопливо выключает свет. Стук босых ног, скрип кровати. ГОЛОС ЖЕНЩИНЫ в темноте: «Мамочки, мамочки, мамочки, мамочки – о! о! о!»

Прошел час. Они одеваются.

ОН: Ты грандиозная!

ОНА: Ну вот видишь: и с проституткой тоже можно...

ОН: Не надо.

ОНА: Режет слух? У нас в Совке придумали – «Ночные бабочки» – по-моему пошло. И сентиментально. Проститутка – строже, и как-то профессиональнее. Светлана – которой ты звонил в виде Бориса – это кто же?

ОН: Запомнила.

ОНА: Ненавижу это имя.

ОН: Это сложная история. Как тебе объяснить...

ОНА: Если не можешь – не объясняй.

ОН: Я приехал на ней жениться.

ОНА: Круто.

ОН: Только жениться не по правде.

ОНА: Не понял.

ОН: Я профессор в университете. Это у вас в Совке профессор – важная птица, а в Штатах – голь. Адвокат, врач, бизнесмен – они люди...

ОНА: Ничего у нас тоже так будет.

ОН: Конечно будет, куда вы денетесь Вообще, все, что говорили о социализме большевики – это ложь Но все что они говорили про капитализм – правда... Короче, мне нужны деньги. И один сукин сын, ваш эмигрант, предложил мне... В Союзе у него осталась любимая, а он в Америке женился. Но затосковал – не может забыть русскую любовь.

ОНА: Как романтично! Что делать, наша баба – это до могилы.

ОН: Я взялся доставить ее в Штаты. То есть жениться на ней и привезти.

ОНА: Киску – на блюдечке.

ОН: Ассигновал... сумму!

ОНА: С тобой все ясно: ты тоже – проститутка... Ну ладно – поболтали. Пора хлять отсюда. В 12 должны освободить квартиру.

ОН: Но все-таки – что же это за помещение?

ОНА: Этот дом, предназначенный на снос. Здесь был раньше ДОСААФ.

ОН: ДОСААФ! Звучит, будто у тебя насморк. И что это?

ОНА: А говоришь – советолог. Это прежде была такая ВИП-организейшн. «Добровольное общество содействия армии и флоту». Здесь ветераны, маршалы... Опять?

ОН: Грандиозно!

Ласки.

ОНА: Перестань! И как тебе не надоест?... Но в прошлом году их выселили – капитальный ремонт дома...

ОН: А ремонт, коли деньги на него получены, не начинается годами. Потому что деньги сразу...

ОНА: Сперли. Теперь вижу ты – советолог. И я подсуежилась. Думаю, на хрена мне в гостиницах швейцарам платить, когда такое отличное помещение! Сначала платила технику-смотрителю, который наблюдает за домом... Но теперь мой дружок на себя оформляет... Он как ушел из отеля – стал трудиться как это говорится, в силовых структурах (смеется). Здесь теперь у него вроде явочной квартиры.

ОН: Что?!.. Значит тут прослушивается?!

ОНА: А в отеле – не прослушивается? Ничего – свои слушают, не американцы... Кстати, здесь, думаю, нет. Зачем?... Я ведь сама докладываю про встречи с иностранцами...

ОН: Да ты что!

ОНА: Так положено. К тому же мне за это деньги платят. Только одно плохо – требуют в письменном виде.

(Хохочет).

ОН: Значит ты работаешь на КГБ?

ОНА: Хочешь предложить на ЦРУ?

ОН (испуганно): Ты что? Ты что?!

ОНА: Нет, на ЦРУ не буду. Если бы я жила у вас, тут другое дело, тогда ради бога (хохочет).

ОН: Послушай, значит все что я говорил про эту Светлану...

ОНА (долго хохочет): Да, нет, я шучу! Ну пошутила... Ну не бойсь – все шутка. Люблю пошутить с вашим братом – иностранцем – вы все так смешно пугаетесь... И главное: сразу забываете про нежности. Хоть одеться спокойно можно. А то пока одеваешься – сто раз приходится раздеваться.

ОН: Действительно? Шутка?

ОНА: Ну если бы правда, разве я бы рассказала? Что я дура?

ОН: Поклянись.

ОНА: Всегда пожалуйста. Клянусь. Могу дать и честное пионерское впридачу (хохочет). Значит в Америку хочешь нашу девушку вывезти? Кстати, в вашей Америке живет мой хороший знакомый.

ОН: Американец?

ОНА: С клиентами – ни-ни... Разок и разошлись как в море корабли! Он – моя первая любовь. Роскошный брюнет, изволивший лишить меня невинности в четырнадцать лет...

А заодно и мою лучшую подругу... (хохочет). Но какой был пронизательный! Помню сказал мне: «Девчушка, чую, пора сваливать за бугор – потом такая толкучка начнется, потом столько нас набезит!» Анекдот говорит знаешь: «Что надо делать если в Совке откроют границу?... Влезть на дерево чтобы не затоптали!» (хохочет). Он кроме девок анекдоты любил. До сих пор вспомню и смеюсь. И ведь правда – столько наших набезало! Чтобы побыстрее смотаться, мой анекдотчик заплатил мною одному... Конечно, не только мною – баблом тоже. И представляешь, какого-то несчастного еврея не пустили, а вместо него по еврейской визе выехал мой друг, который кстати русский... Вот такие интересные мерзавцы гуляют сейчас по вашей Америке! С чем вас и поздравляю! (хохочет). Нет, я ему благодарна: главное объяснил мне какой капитал подарила мне природа. «Все мое ношу с собой», – сказал философ. Вот так! Каждый должен научиться: сначала эксплуатировать себя, уже потом – других!

ОН: В четырнадцать лет?! Мерзавец!!!

ОНА: По-моему ты ревнуешь. И правильно. Забыть его невозможно. Как я его провожала! Сколько слез! В тот день отъезжало много настоящих евреев. У меня с евреями особые отношения. Я, вообще-то, могу считать себя почти еврейкой.

ОН: Это как?!

ОНА: Ну это долго объяснять... Эти настоящие сидели в аэропорту и пели песню.

«Вы слышали, как поют жида.

Нет, не те – не бело-голубые».

Это флаг такой ихний – Израиля.

«А жида, советские жида, вечные изгнанники России.
Вот они расселись на вещах и поют, заглаывая слезы,
Про любовь и трели соловья и про отчий дом, и про березы.
В дальний путь до голубой звезды.
Вас доставит Боинг, не промедлив.
А пока в порту поют жида,
Так зовут на Родине евреев».

Я даже прослезилась... Домой пришла и даже отец расчувствовался...

ОН: А кто твой отец?

ОНА: О, мой отец! Большой человек.

ОН: (насмешливо) Член Политбюро?

ОНА: Бери выше.

ОН: Горбачев?

ОНА: Еще выше...

ОН: (глядя в небо): Иди на фиг!

ОНА: Нет, все-таки ниже. Ну ладно – пора. Познакомились. И разбежались, Билл... БИЛ-ЛУША... Нужны ли тут прописные?

За окном звук льющейся воды.

ОНА: Вот гады!

ОН: Что это.

ОНА: «Что-что!» Ссут. На Арбате туалетов нет Вот народ и трудится во дворах! Не очень-то слушать приятно... в романтические минуты! Ну ладно, адью, братцы-кролики!

ОН: Ну, может, все-таки, еще повидаемся.

ОНА: Не обижайся. Понимаешь, «слаба на передок»... Быстро привыкаю. И работе мешает. Так что – нет!

ОН: Ты про КГБ, действительно, пошутила?

ОНА: Абсельман... Всё – «кис ми» и – в разные стороны.

ОН: Только позвоню. В последний раз (берет телефон). Светлану можно? Понятно. Ну хорошо. Я тогда уже завтра буду звонить.

ОНА: Нету?

ОН: На дежурстве.

ОНА: Видать, крутое дежурство у твоей Светаньки.

ОН: Что-нибудь передать в Америке твоему знакомому?

ОНА: Хорошая мысль. Моему знакомому от меня одно нежное слово: подонок!

ОН: С удовольствием. Но адреса не знаю.

ОНА: А зачем? Останови у вас на улице любого нашего, И скажи ему – «подонок». И каждый будет знать за что!

Комната в московской квартире. Сейчас здесь двое – тот самый безвестный актер (теперь он с бритой наголо головой) и Билл.

БИЛЛ: Здравствуйте.

БРИТЫЙ: Здравствуйте, товарищ.

БИЛЛ: Простите, это я вам надоедал по телефону все эти дни.

БРИТЫЙ: Значит, это вы, голубчик, Светаньке дозваниваетесь?

БИЛЛ: Глупейшая история. Уже 10 дней не могу с ней соединиться, а мне скоро улетать.

БРИТЫЙ: Да вы проходите, батенька, в комнату... Обувь у нас не снимают. Возвращается Светуля очень поздно с работы, что поделаешь. Все девушки, голубчик, от работы норовят отвязаться, а моя – наоборот, еще дежурит. И допоздна. А вы, поинтересуюсь, батенька, по какому поводу хотите с нею встретиться?... Нет-нет, я отнюдь не вмешиваюсь в ее жизнь, но – нота-бене: такие нынче тяжелые случаи, а она у нас – архидоверчивый человек.

БИЛЛ: Я письмо привез. Для нее.

БРИТЫЙ: Давайте-ка сюда, товарищ.

БИЛЛ: К сожалению, могу только в собственные руки. Такая договоренность.

БРИТЫЙ: Как хотите. У нас в семье – совершеннейшая свобода. Правда, не до анархии. А вокруг, повторюсь, – очень тяжелые случаи. В стране криминогенная ситуация. И наша мягкотелость. Расстреливать стесняемся, батенька... Чайку не хотите?

БИЛЛ: Нет-нет, не беспокойтесь!

БРИТЫЙ: А я, пожалуй, выпью, пока труженица наша подойдет.

Бритый уходит и вскоре возвращается с чайником в руках. Но как же он переменялся – наклеил бородку и усы!

И... торжествующе глядит на Билла.

БИЛЛ: Боже мой! Ленин!

«ЛЕНИН» (снисходительно улыбаясь): Сахарок будете вприкуску? Владимир Ильич любил посидеть, похрустеть сахарком и о мировой революции с соратниками побеседовать. О мировой, запомните это, товарищ из Ленинграда. (Шутливо) Так сказать, товарищ из города имени меня.

БИЛЛ (совершенно потрясенный): Владимир Ильич!

«ЛЕНИН» (скромно): Ильич умер. А перед вами просто человек. Очень похожий на Владимира Ильича Ульянова-Ленина. Главное, дорогой товарищ, не терять личную скромность. (Ставит на стол бутылку водки).

«ЛЕНИН»: Как вы догадываетесь – сам не пью. Можно ли пить с лицом Ленина? А вы – не стесняйтесь. Российский пролетариат водочку уважает.

БИЛЛ: Я тоже не пью... Ленин!

«ЛЕНИН»: Чувствую, батенька, не можете избавиться от мистических восклицаний. Между тем мистики тут нет. История очень простая (пьет чай, звучно хрустя сахаром). Я всем ее рассказываю с превеликим удовольствием. Надо сказать, был я никому неизвестным актриской в знаменитом театре. И вот однажды наш главный режиссер... Человек, известнейший но тяжело больной «русской болезнью» решил поставить пьесу о Ленине. На пороге как раз мой юбилей – 110 лет. Был в театре, конечно, актер, который всегда играл Ильича, но помер, бедолага. Нужен новый Ленин. А где взять? Этот купол головы, этот череп Сократа? А ленинская одержимость? А «искра» в глазах, простите за каламбур? И понял наш главный – нету у него Ленина. Нотабене: что делает наш человек, когда проблема неразрешима?

БИЛЛ: Я думаю.

«ЛЕНИН»: И правильно думаешь. Но с кем пить? С самым горьким пьяницей в театре. Тогда это был я! Только я один мог его перепить. В Театре – Тень Отца Гамлета – вот и все мои роли... Ну если ты Тень – как не пить... В тот раз наш знаменитейший очень горевал... Пьем день. Потом три... Неделю. Пошла вторая. Не закусываем. Ползаем по комнате, как два лунохода. О Ленине все горюем На десятый день подползает он ко мне и шепчет: «Я знаю, кто Ленин. Я – Ленин...» «Нет, – говорю, – пьянь ты горькая, а не Ленин». Он плачет. «Точно, – говорит, – какой же я на хрен Ленин? Гавно я!». Еще пьем. Уже почти не движемся. И, как сейчас помню, подползает он ко мне и вдруг за волосы хватить! А у меня шевелюра шикарная была. Я думал – драться лезет. Хочу ему в рожу врезать – а силушки нет. А он мои волосы – назад, как будто отдирает, и шепчет: «Знаешь, кто Ленин? Ты – Ленин». И замертво падает пьяный. И я – за ним... Дома очнулся – голова разламывается. И вдруг – будто слышу голос: «Ты – Ленин». Подхожу к зеркалу, вот к этому, жениному трюмо, жена-покойница еще жива была, волосы закрываю полотенцем и обмираю.

БИЛЛ: Ленин!

«ЛЕНИН»: Ленин.

БИЛЛ: Скажите, ваша дочь...

«ЛЕНИН»: Придет, батенька, придет... И вот мчусь в театр, беру усы, бородку – домой приехал, опасной бритвой голову обрил. И наложил усы и бородку. Кричу жене. Входит, глядит на меня – и хватить за сердце. И шепчет...

БИЛЛ: Ленин!

«ЛЕНИН»: Да, Владимир, говорю, Ильич Ульянов-Ленин. Вот так все и случилось. С тех пор жизнь пришлось переменить. К примеру – алкоголь! Ни-ни-ни...

БИЛЛ: Ни-ни-ни.

«ЛЕНИН»: С вами очень приятно беседовать, товарищ, из города имени меня.

БИЛЛ: И мне тоже необычайно интересно. Но я все думаю: а может, сию напрасно? Может, ваша дочь... попросту не придет?

«ЛЕНИН»: Обижаете! Дочь Ильича ночует только дома. Вы, конечно, знаете мое знаменитое письмо к Инессе Арманд, где Ильич сурово осуждал интеллигентски-мещанские внебрачные связи противопоставляя им здоровый пролетарский брак!

БИЛЛ: Но, если память не изменяет, он с этой Инессой...

«ЛЕНИН» (мягко): Перефразируя известное выражение: «Что дозволено Ленину, то не дозволено быку». Вот так началась моя новая жизнь. Естественно, вскоре я пришел к Главному. Надо сказать, что пьяный – он со мной друг первейший. А трезвый – с трудом узнавал. Вхожу в кабинет. Он, как всегда, после запоя – мрачный, спокойный. Смотрит на меня молча – величественно: дескать, что тебе, Тени, надо? Я, тоже молча, вынимаю усы и бороду – и нацепляю, И на него гляжу. «Действительно, Ленин, – говорит. – Ну и что?» Я говорю: «Как это – ну и что!? Я – Ленин!» «Ленин ты Ленин, а играть его не можешь? Фамилию поменять

ты же не хочешь?» Так началась моя трагедия. Дело в том, батенька, что фамилия у меня для Ленина не самая удачная – Рабинович.

БИЛЛ: Разве вы...

«ЛЕНИН»: Никогда! Чистокровный русак! Вы что, не видали евреев с фамилией Иванов? А я – русский с фамилией Рабинович.

БИЛЛ: Но почему?

«ЛЕНИН»: Революционный прадед. Он был эсер, и в знак протеста против царского антисемитизма взял себе фамилию Рабинович. И мой дед был тоже революционер, но уже большевик. И конечно, он сохранил нашу революционную фамилию – Рабинович. Но мать моя была, к сожалению, из богатого крестьянского рода. Ее отец жил с нами. И вот сойдутся, бывало, два деда, спорят, кричат...

БИЛЛ: (усмехнулся) И долго они кричали?

«ЛЕНИН»: Вижу, правильный ответ знаете. До 37-го. Сначала революционного деда постреляли, потом крестьянского отправили в лагерь, как кулака. Наконец и за отцом моим пришли. Важный он был – заместитель наркома. А энкеведешник ему: «Ах ты Рабинович, жидовская морда!» И физиономию расквасил... Из всех них, надо сказать, вернулся только дед-кулак. Его уже во время войны выпустили. И на фронт. Он сразу в окружение попал. Сначала в немецкий лагерь, а в 45-м – в американский. Американцы его в СССР вернули, и у нас его отправили уже в наш лагерь! Он, когда вернулся, говорил мне малолетке: «В жизни задавай только два важных вопроса: “Бьют ли? И кормят ли?” В немецком лагере сильно били, и совсем не кормили, в американском – не били и кормили. Ну а в нашем – опять – били, и не кормили»... Но этот хоть вернулся. А мои-то ленинцы – Рабиновичи – с пулей! И как же мне, после всего этого – сменить фамилию Рабинович? Представьте, что бы сказал на подобное Ильич? О, Ильич умел осуждать соглашательство. «Мерзавец» «политическая проститутка», «сволочь» – это у него как пряники.

БИЛЛ: Поучительный рассказ... Но ваша дочь...

«ЛЕНИН» (не слушая): Но решился я попытать счастье на киностудии. Тогда как раз вся страна готовилась праздновать (как бы в шутку) мой юбилей. Такие торжества! Только подумай... Всего сто десять лет назад Ленин родился. Ведь живут же столетние. И он, значит, мог вполне жить.

БИЛЛ: И вы могли бы с ним встретиться – два Ленина!..

«ЛЕНИН»: Тогда на Мосфильме – сколько картин про него снималось. И вот беру свою ленинскую кепочку и бородку – и туда. Помню – голоден был, решил зайти в буфет. А там – жуткая картина: стоят в очереди за шницелем – три Ильича. Друг за дружкой. Меня от такого кощунства оттуда ветром сдуло. Иду по коридору и в открытую дверь вижу картину: плюгавый человечек развалился на диване и перед ним навтыжку стоит – ну, кто бы вы думали?

БИЛЛ: Он!

«ЛЕНИН»: Он! Он! Ильич! И плюгавый мерзавец криком кричит на него. Я схватил стул и... Плюгавый оборачивается... Ну представляете – вдруг перед вами вырастает второй Ильич – уже со стулом.

БИЛЛ: Разрыв сердца!

«ЛЕНИН»: Ничего подобного. Бросился лобызать меня. «Где ж ты раньше был, – кричит. – Какое лицо! Я тебя всю жизнь искал».

БИЛЛ: А вы ему – фамилию!

«ЛЕНИН»: Он только и вздохнул: «Ах, Рабинович, Рабинович. Огорчил ты меня, Рабинович! Но ничего, мы тебе ее сменим, тебя все равно никто не знает». – «Это, – говорю, – ты меняй свою фамилию, благо ты ее уже сменил. А мою революционную фамилию не трожь!»

БИЛЛ: Я все-таки хотел бы уточнить насчет вашей дочери. Сейчас уже 11 часов.

«ЛЕНИН»: Да что ж ты такой беспокойный. Придет. Тебе ж сказали... Но Ленина я все-таки сыграл. И не раз. Вот, смотри (он торжественно вынимает огромный альбом и начинает листать его). Теперь отличи на фотах: где я, а где – Ленин? Да ты на меня не смотри, ты в альбом смотри.

БИЛЛ: Ну надо же! Это – настоящий?

«ЛЕНИН» (торжествуя): Это я.

БИЛЛ: А это – вы?

«ЛЕНИН»: Настоящий! А это?

БИЛЛ: Настоящий?

«ЛЕНИН»: Я! Дальше.

БИЛЛ: Вы!

«ЛЕНИН»: Точно. Как узнал?

БИЛЛ: А кто это рядом с вами? Кто это?!

«ЛЕНИН»: Чего это, ты так взволновался? Дочь, Светанька.

БИЛЛ: Какое хорошее лицо!

«ЛЕНИН»: Работает в ДОСААФе. Помогает старикам-ветеранам.

БИЛЛ: Что ж, самое подходящее занятие для дочки Ленина!

«ЛЕНИН» (возвращаясь к рассказу): И вот в те дни, когда вся страна расцветала торжественными заседаниями...

БИЛЛ (все рассматривая фото): Надо же!

«ЛЕНИН»: Да, отлипни ты от этой фоты, Короче был у нас хороший обычай: ты молодой, не помнишь, конечно. В дни годовщин Октябрьской Революции после торжественного заседания в зале появлялся сам Ильич. Поздравлять трудящихся со своим юбилеем. В городах столичных звали конечно знаменитых артистов. Ну а городкам поплотнее тоже хочется живого Ильича. Вот они ко мне и обращались. Таким макаром я с ленинской кепкой всю страну облетел. Перед торжественными заседаниями часто было открытие памятника. И, конечно, я в первом ряду! Помню, в Уссурийске приключилась знаменитая история: там два скульптора памятник Ильичу делали. Один запил – пришлось доделывать другому. И вот сняли покрывало с памятника, я речь поздравительную держу – а за мной Ильич в граните, энергичный такой, в пальто и кепке. А в руке у него... другая кепка. И что интересно – никто не заметил. И я сам не заметил. Я уже улетел в другой город, к другому Ильичу... А в Уссурийске только на третий день какой-то мальчонка к отцу пристал: мол, я тоже хочу ходить с двумя кепками, как дедушка Ленин... Но главная моя радость это когда в городском театре после торжественного заседания стремительной походкой Ильича я входил в зал, шел по проходу. Бурные овации. И в эти минуты я уже не видел зажавшихся райкомовских морд. Передо мной был Смольный в день Октябрьской Революции, актовый зал, горели люстры и товарищ Троцкий объявлял бушующему в восторге залу, этим серым солдатским шинелям: «Среди нас появился прибывший в Смольный товарищ Ленин»... Кричи «ура!»

БИЛЛ: Это вы мне?

«ЛЕНИН»: Кричи «ура».

БИЛЛ: Ура!

«ЛЕНИН» (влезает на стул, кричит): «Революция, о необходимости которой говорили все время большевики, свершилась!» Овация! (БИЛЛ хлопает) Кричи: «Ура!»

БИЛЛ (кричит): УРА!!

Дверь открывается и входит та самая «Инесса».

ИНЕССА: Это что за крик?

«ЛЕНИН» (угодливо): Вот и доченька пришла. А тебя товарищ из города имени меня дожидается.

ИНЕССА (строго): Товарища вижу. Но и тебя вижу – почему-то в усах и бороде?

«ЛЕНИН»(горестно): Нарушил! Нарушил!

ИНЕССА: Приведи себя немедленно в порядок, папа.

«ЛЕНИН»: Доченька, Светанька! Я просто чтобы развлечь немного товарища.

ИНЕССА: Ну какая же я Светанька? Ты же переименовал. Так что, «товарищ из города имени его», я – Инесса. В честь любовницы товарища Ленина Инессы Арманд.

«ЛЕНИН»: Ну как ты можешь?! Товарищ Арманд – боевой товарищ по партии, недаром я написал ей в письме...

ИНЕССА: Ты еще не отклеил бороду?

«Ленин» понуро покидает комнату.

ИНЕССА: Бывают такие волшебные совпадения... Это может произойти только со мной. Смешно, но у меня уже там мелькнуло...

БИЛЛ: 10 дней я звонил!

ИНЕССА: Да, 10 дней я не подходила к телефону.

БИЛЛ (насмешливо): А я подумал: много работаешь.

ИНЕССА: И это тоже. Я рада, что ты сможешь передать сукиному сыну – я тоже стала сукиной дочерью.

БИЛЛ (вынимает письмо): Мы предполагали, что могут обыскивать на таможне. Так что он написал всего одну фразу (протягивает письмо).

ИНЕССА: По-моему, я уже сказала: не интересуется (разрывает письмо).

БИЛЛ: Ничего, я наизусть помню: «Прошу тебя, делай все, как попросит вручитель письма».

ИНЕССА: Надеюсь, передашь, что именно так я и поступила.

БИЛЛ: Но я не собираюсь этого передавать.

ИНЕССА: Да! Конечно: ты же собираешься получить от него бабло...

БИЛЛ: Послушай, все-таки есть смысл подумать.

ИНЕССА: Ну зачем занудничать?

Входит «Ильич» – опять с чайником. Он без усов и бороды.

«ЛЕНИН»: Чаек свежий (разливает). А гость у нас оказался молчаливый. Очки только трет и меня слушает.

ИНЕССА: И правильно. Он, видимо, ждал окончания вашей ленинианы., Папаша рассказал вам о своем преступлении?

«ЛЕНИН»: Ну перестань.

ИНЕССА (неумолимо): И за что с него усы и бороду сняли?

«ЛЕНИН»: Ну не надо (угодливо). Небось, устала на дежурстве.

ИНЕССА: Жизнь в ДОСААФе, папаша, не останавливается порой до утра. Ветераны – люди старые, у них бессонница. Приходят, делятся с нами воспоминаниями о войне и победах. Но это не отменяет твоего рассказа: гость наш заждался!

«ЛЕНИН» (вздыхнул): Ну хорошо, хорошо. Дело случилось в городе Калинине... Калинин – хитрый был мужичонка. Недаром в его честь город прозвали. Еще при Ленине выдвинулся, потом стал первым президентом. Сталин у него тогда жену и посадил. И в лагере ей поручили ответственную работу: арестантское белье стирать и от вшей очищать. И вот сидит она, вшей давит и по радио голос мужа из Кремлевского дворца слушает.

ИНЕССА: Папа!

«ЛЕНИН»: Я к чему это говорю. Сталин не просто старых большевиков сажал. За этим (зашептал) была большая тайна. Условлено все это было с Ильичом. Заранее.

ИНЕССА: Нам, папаша, неинтересны ваши детективы. Мы покаяться ваше хотим выслушать.

«ЛЕНИН» (вздыхнув): Значит, в городе Калинин, на стадионе, решили устроить парад кинозвезд. Все знаменитые киноактеры в костюмах своих героев должны были проехать по полю стадиона. Конечно, великий актер Бабочкин в бурке героя революции Чапаева, на тачанке, и другой великий – Марк Бернес, должен был спеть свою знаменитую песню из кинофильма «Два бойца» и, конечно же, знаменитейший актер, который играл в кино Ленина, на ленинском броневике должен был въехать на стадион и сказать любимые ленинские слова... Но знаменитейший не поехал... И они уговорили меня.

ИНЕССА: Здесь папаша неподробен. Они предложили ему прикинуться этим самым знаменитейшим актером, сыгравшим Ленина. Папаша должен был под его фамилией проехать на броневике. И он согласился!

«ЛЕНИН»: Да, согласился. Не из-за денег. Хотел перед всем стадионом произнести незабвенные ленинские слова: «Революция, о которой...»

ИНЕССА: Как вы понимаете, эти слова были записаны на пленку, в исполнении того же знаменитейшего артиста.

«ЛЕНИН»: Неважно! Ведь я шептал бы их, пока его голос гремел на стадионе. Но в тот день был дождь и очень холодно, и администратор. Негодяй, который устраивал концерт, и предложил мне... (замолчал).

ИНЕССА: Что предложил? Мы ждем.

«ЛЕНИН» (кричит): Не мучь!!! И вот сижу я, пью водку, согреваюсь, и чувствую – пьянею. А рядом уселся Чапаев. Но это оказался не великий Бабочкин, а какой-то неизвестный, загримированный под Бабочкина. А рядом пьет Бернес, но это был не Бернес, а тоже – загримированный под... И тут я понимаю, что администратор, чтобы платить малые деньги, собрал всякую шваль!..

ИНЕССА: Не сбивайся. Итак, подходит очередь папаше выступать, а папа-Ленин, оказывается, пьян. С ленинской бородкой, в ленинской кепке... пьян!

«ЛЕНИН» (почти плача): И они меня к священному красному стягу привязали, чтобы не упал. И тут выяснилось, что ботинки мои ленинские пропали. Видимо, «лже-Бернес» спер. И тогда архимерзавец администратор придумал мои ноги выкрасить в черный цвет. И вот выезжаю я – пьяный Ленин без ботинок, с черными ногами, а за мной на тачанке – пьяный Чапаев, и по полю идет – пьяный «Бернес». И тут я как закричу: «Дорогие сограждане! Это не настоящий Бернес! Это не настоящий Бабочкин...» Но администратор, подлец, врубил фонограмму, и сверху, с небес, Ленин прокричал: «Революция, о необходимости которой говорили большевики, свершилась!». А снизу я ору: «Это не Бернес!» И тогда – знамя не выдержало, и я упал на броневик. И все сограждане поняли – Ильич – пьян (замолчал).

ИНЕССА: Нет уж, до конца говори.

«ЛЕНИН»: А потом администратор бил меня по ленинскому лицу... Ну как мне было жить после этого?

ИНЕССА: Еще бы: Ильич с побитой физиономией.

«ЛЕНИН»: Спасибо партии: повелела мне остаться жить. Ночью, во сне, я услышал голос партии.

ИНЕСА: Мы с партией по ночам разговариваем!

«ЛЕНИН»: Партия наложила на меня архистрогий выговор: 6 лет не подходить к ленинской бороде и его усам, 6 лет не надевать его кепку и жить актером Рабиновичем. Я взял себе партийное задание: за эти годы прочесть все, что написано о Ленине. И сейчас я представляю каждый ленинский день. Вы поняли – каждый! Спрашивайте – любой. Ну спрашивайте!

ИНЕССА: Папаша, думаю – хватит!

«ЛЕНИН»: К примеру: 8 ноября 1918 года годовщина Октября. Допустим, 11 часов дня. Где я?

БИЛЛ: Наверное, на Мавзолее?

«ЛЕНИН»: Мавзолей еще не построили – я еще жив. Но вы почти догадались, батенька, – я на Красной площади, на трибуне. Конечно держу речь. Кстати ночью эту трибуну соорудила бригада интеллигентских хлюпиков, содержащихся для перевоспитания в революционной тюрьме. Вся Москва полыхала в тот день красным кумачом.

ИНЕССА: С тех пор и исчезла у нас материя для одежды.

«ЛЕНИН»: Какая глупость шить одежду, если можно шить флаги. Еще пример. Наобум. Любое число...

БИЛЛ: К примеру, сегодняшнее – 18 августа, но 19-го года.

«ЛЕНИН»: Прекрасно. Партия заставила меня позировать художнику Анненкову. Я – жертва партийной дисциплины, согласился позировать. Во время сеанса он что-то болтал об искусстве, и когда он уходил – я сказал ему всю правду: «Когда закончится пропагандистская роль искусства – мы его чик-чик, дзык-дзык – и отрежем»... Кстати, он ее записал.

ИНЕССА: Ну а теперь, папа, мы тебя: чик-чик...

«ЛЕНИН» (уходя): Дзык-дзык. Не люблю интеллигенцию. Обожаю рабочий класс.

«Ленин» уходит.

ОНА (Биллу): Какое счастье, что это с ним случилось. Даже не верится – шесть лет свободы. Значит до августа 91 года могу отдохнуть от его сумасшествия.

БИЛЛ: Но вернемся к нашим баранам.

ИНЕССА: Ну что ж. Скажешь Артурке, что я возмущена предложением. Какой-то американский наглец приехал жениться на дочке Ленина. Неужели мало, что у вас живет дочка Сталина? И вообще: зачем отсюда уезжать? Здесь грядет великое время. Сейчас я зарабатываю побольше Горбачева. Разве у вас я смогу зарабатывать побольше Рейгена? Скоро здесь будут такие возможности для людей с деньгами: бандюги, мафиози, проститутки – это все будущие богачи. Так что папа-Ленин ошибся: совсем не кухарка будет управлять государством. И передай моему мерзавцу, что я приеду в ВАШУ Америку, но богатой! Это будет шикарный визит – «Из России с любовью». Визит нестарой Русской Дамы. (Прислушивается. Потом тихонечко подкрадывается к двери и с силой ее толкает).

Крик «ЛЕНИНА»: А-а!

Держась за голову, входит «Ильич».

«ЛЕНИН» (сохраняя достоинство): Пришел попрощаться. До свидания, товарищ. Я не люблю «гражданин», я предпочитаю ленинское «товарищ».

ИНЕССА: А я, пожалуй, скажу вам – прощайте.

БИЛЛ: Что ж, прощайте. (уходит).

ИНЕССА: Опять под дверь? И тебе не стыдно? Ты же – Ленин.

«ЛЕНИН»: Всегда надо сохранять революционную бдительность. Тогда не было подслушивающих устройств. Все решали уши. Хорошо было товарищу Сталину – у него был архислух. Он мог слышать разговор в третьей комнате. И это очень важно в борьбе с уклонами в партии. А что делать Ленину? Он был гений во всем, но уши – обыкновенные.

ИНЕССА: Ты хочешь сказать, что Ленин тоже все время подслушивал?

«ЛЕНИН»: Я не настаиваю, это всего лишь историческая версия. Настаиваю на другом: этот человек мне кажется очень подозрительным. И я чувствую, он совсем не из Ленинграда.

ИНЕССА: Что ж, революционная бдительность не подвела – ты прав: он... из Америки.

«ЛЕНИН» (в ужасе): Из Америки!

ИНЕССА: И он прожил в России 10 дней. Ну? Неужели ты не понял, папа, кто это?

«ЛЕНИН»: Кто это?

ИНЕССА: Товарищ Джон Рид!

Прошло шесть лет.

1991 год, август, 18

Та же подвальная комната бывшего ДОСААФ. Те же портреты по стенам и тот же «Ленин, читающий газету Правда».

Но на столе теперь факс и телефон с автоответчиком, а в углу – переносной японский телевизор с видео. И прежняя огромная кровать теперь покрыта шелковым японским покрывалом. И стульев теперь три. Третий – с вертящимся сидением. В углу у входной двери, на аккуратно расстеленной газетке – два огромных сапога.

Инесса разговаривает по телефону со включенным спикером, так что слышен голос собеседника:

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Ну, и сколько сегодня?

ИНЕССА: Как вчера.

ГОЛОС: Не густо.

ОНА: Вторая половина августа, осень – всегда спад. Фирмачей мало.

ГОЛОС: Послушай, ты где деньги держишь?

ОНА: «Не понял»...

ГОЛОС: Здесь намечается интересное дельце – может, соединим капиталы?

ОНА: Не будем. Раздельно всегда лучше. Значит, записывай: икру – естественно, закажи сколько сможешь. Часы-хронометр – тоже. Книг по искусству не бери, пол-Арбата ими торгует. Словарей – побольше. Затем – шесть гжельских сервизов, мне заказали «глухонемые».

ГОЛОС: Кто?

ОНА: Папа-Ленин так называет капиталистов. Подожди-ка (прислушивается. Звук льющейся воды за окном. Она бросается к окну, орет). Гады! Факены! (возвращается к телефону).

ГОЛОС: Ну что там?

ОНА: А ты не знаешь. «Заяц» – в смысле японец, сыт!

ГОЛОС: Ну а что делать? Туалетов рядом нет. Сейчас холодно. Может, милиционера поставить?

ОНА: Есть идея. Иностранцев на Арбате – море. Ты достаешь форму, нарядим техника-смотрителя. В разгар иностранного писа он появляется и объявляет: «по распоряжению мэрии за нарушение общественного порядка – 100 долларов».

ГОЛОС: Не дадут.

ОНА: Дальше мягчаем, и за 20 будем отпускать.

ГОЛОС: Взрослеешь, дивчина. Сегодня я буду допоздна на работе. Может, на часок к тебе заехать?

ОНА: Да ну тебя! Уже столько раз было. Скучно! У нас четыре новых продавщицы – неужели тебе мало? Продолжаю список. Матрешки «Горбачев» – закончились да и берут их хреново. Зато «Ельцын» пошел классно, всего 5 матрешек осталось. В понедельник жду тебя со «стафом».

ГОЛОС: До понедельника надо дожить.

ОНА: «Не понял».

ГОЛОС: Шутка.

ОНА: Главное забыла... Когда ты начинаешь приставать, у меня все вылетает из головы. На днях подошли ко мне два южных гражданина. Они попросили достать им – догадайся, что?

ГОЛОС: Ну?

ОНА: Танк.

ГОЛОС (восторженно) Иди на *...!

ОНА: Раз на Арбате просят – значит, кто-то где-то уже продает. Не прозевать бы. Дают три лимона. Или СКВ по курсу (Звук воды. Она бросается к окну). Твари! Суки! Финик! Факен! (Хватает сапоги, открывает дверь и швыряет их один за другим в кого-то на улице).

ГОЛОС: Развевалась.

ОНА (возвращается к телефону): Хоть сапоги, наконец, выбросила... вонючие сапоги этого сукиного сына техника-смотрителя... Ну что такое! Берет зелененькими, а порядка во дворе никакого. Не могу жить в этом писсуаре. Доставай к понедельнику милицейскую форму.

ГОЛОС: Ну ладно, до понедельника. До интересного понедельника.

ОНА: «Не понял»?

ГОЛОС: (засмеялся) Я же сказал – шутка.

(Гудки в трубке).

Она открывает тетрадь и записывает: «План на 19 августа». Узнать о милицейской форме. Это во-первых. Матрешки «Горбачев» не брать (резкий звонок. Подходя к двери) Кто там?

МУЖСКОЙ ГОЛОС ИЗ-ЗА ДВЕРИ (Не твердо): Это Инесса?

ОНА (удивленно): А кто ее спрашивает?

ГОЛОС: Жених.

ОНА: Боже мой! (открывает).

Входит Билл.

ИНЕССА (будто ничего особенного, будто совсем не удивилась.): И давно в столице?

ОН: Давно. Целых три часа.

ОНА: Хочешь сказать, сразу, с аэродрома?

ОН: Хочу сказать.

ОНА: Соврал?

ОН: Самое смешное – нет.

ОНА: Ты, помнится, Билл?

ОН: Спасибо что помнится, Инесса. Все-таки 6 лет!

ОНА: Боже мой, неужели прошло 6 лет?!

ОН: К сожалению. Но все это время...

ОНА: Ты думал обо мне!

ОН: Вот это – действительно – самое смешное. Но я шел сюда почти без надежд. Представить, что все то же и дом по-прежнему стоит в ожидании ремонта – шесть лет!

ОНА: Он еще сотню простоят! Мои правнуки будут здесь обитать, это Рашка. А ты так осторожно постучал, интеллигентно. Я сначала даже не расслышала.

ОН: Просто подумал...

ОНА: «Вас понял!»... Нет, у меня теперь другой бизнес: Фирма «Инесса». Генеральный директор.

ОН: А твой... этот?...

ОНА: Сутенер? По-прежнему – большой человек. И по-прежнему в бизнесе – со мной...

ОН: И что за бизнес?

ОНА: Продаем на Арбате туристские радости – матрешек, икру, репродукции. На нас работают уже четыре продавщицы. И еще кое во что инвестируем. Помнишь, сказала: будущее за мной. А ты чего приехал?

ОН: Ты изменилась. И я тоже. Мне надоело сводить концы с концами. И я... Это смешно... Тоже бизнесмен... Очень солидная фирма – я в ней консультант по вашей стране...

ОНА: Бедная фирма. Как ты можешь консультировать? И кто кроме нас самих может нас понять? Наши анекдоты не переводятся ни на один язык.

ОН: Совершенно с тобою согласен. Но дело в том, что я сказал тогда... неправду.

ОНА: Прости...

Прислушались: слышен шум воды, в окне с отдернутой занавеской теперь видны кроссовки.

ОНА (бросается к окну): Сволочи! Твари! Факены!

Кроссовки в окне удаляются.

ОН: Все тоже...

ОНА: О да, СССР рухнет, комуняки уйдут, царь вернется, а в окно тебе по-прежнему будут срать... В чем же ты меня обманул?

ОН: Я вполне могу быть консультантом по этой стране. И мои родители не эмигрировали до революции – они благополучно живут в Москве... И когда я приехал на тебе жениться – я ведь был под другой фамилией, потому что я невозвращенец... Я хотел сказать все это, но когда ты про своего друга рассказала... я испугался.

ОНА: Это было лишнее. Он уже на следующее утро позвонил: «Твой гавнюк, оказывается “наш”: Переводчиком был в научной делегации, в Кельне вышел из отеля и не вернулся... Если с ним еще встретишься – морду исправлю на попу. Нам с тобой совсем не нужно, чтобы ты в чем-то была замешана».

ОН: Надо же!

ОНА: Здорово: раньше мы с тобой лежали. А теперь вот сидим... Обсуждаем прошлое. Старость.

ОН: Я когда убежал, первое время был счастлив... Не видеть по телику рожу нашего Кинг-Конга, не читать идиотских газет... И главное забыть эту жуткую программу «Время». Но потом. долго не имел работы – и, наконец, нашел! Мне предложили переводить... программу «Время» на английский! Фирма продавала ее в Университеты – для советологов – этих очкариков в твидовых пиджаках. Ночью мы записывали ее со спутника, днем я переводил и печатал в компьютер. Теперь я был приговорен день и ночь слушать программу «Время». День и ночь – рожи «гэкающих» политбюрошников. Я чувствовал себя в аду.

ОНА: Я тебя пожалела. Но зачем ты ко мне пришел?

ОН: Отгадать не трудно.

ОНА: К сожалению, я бросила этот бизнес.

ОН: Послушай, но я хочу.

ОНА: Все хотят.

ОН: Послушай, но я 6 лет хочу.

ОНА: Ты какой-то долгохочий.

ОН: Но я же приехал! Я специально.

ОНА: Только успокойся. Я тебя понимаю, но и ты пойми меня – я не могу задаром. Задаром – у меня нет желания – вот в чем проблема.

ОН: Но я хочу заплатить...

ОНА: Ну ты же видишь: у меня теперь другая профессия...

ОН: Но я безумно.

ОНА: Я тебя понимаю, но пойми и ты меня – нет повода!

ОН: А может... изнасиловать?

ОНА: Не выход. У меня – газовый револьвер. И, вообще, ты вряд ли сможешь, поверь, насиловать нужна большая физическая сила... Не знаю, не знаю, но видимо ничего у нас не получится.

ОН: Слушай, давай в карты, а?

ОНА: «Не понял»?

ОН: Предположим я выигрываю кон – ты что-то снимаешь... В конце концов я тебя раздеваю... ну и тогда, естественно...

ОНА: Ну а если выигрываю я?

ОН: Само собой, раздеваюсь я.

ОНА: Голое мужское тело? С ума сошел! Нет, этого добра я столько перевидала. Это мне не подходит... Но можно иначе. Если выигрываешь ты, я что-нибудь снимаю, если я – ты платишь. В СКВ, естественно Много не возьму – долларов по пятьдесят... ну, шестьдесят за каждый проигрыш. Энтузиазм поостыл?

ОН: Зачем же? Подходит.

ОНА (задумчиво): Похоже на повод.

ОН: Рванулись!

Прошел час.

Они играют. Она уже без платья, но рядом с ней горка мятых зелененьких бумажек – долларов.

ОН: Кстати, как наш папа Ленин?

ОНА: Как же я забыла! Пардон (набирает телефон). Алло, я сильно задерживаюсь... Как – где? Ты будто с луны свалился – в ДОСААФе. Ветераны-бизнесмены прилетают ночью из Америки. Участники встречи на Эльбе... Так что сегодня не жди! Помню, отлично помню, какой знаменательный день у тебя завтра! (вешает трубку).

ОН: И что же все 6 лет верит?

ОНА: Здесь 70 лет верили – и то ничего. Здоровье у него пошаливает...

ОН (в ужасе): Здоровье?!

ОНА: Чего это ты так испугался? Еще бы не пошаливало: когда вслух говорят о реставрации капитализма... Он теперь каждый день ждет нового Октябрьского восстания. Ночью засыпает с этой мыслью – восстанут комуняки в защиту революции. Он ружье охотничье приготовил.

ОН: И по-прежнему исполняет наказание?

ОНА: Завтра заканчивается! Он уже бородку и кепочку неделю тайно примеряет. Ужас!

Прошел еще час. Они по-прежнему играют за столом в карты... Она по-прежнему без платья, зато горка долларов на столе увеличилась.

ОНА: По-моему я тебя хорошо ограбила.

ОН: Да...

ОНА: Люблю мужчин в печали. Они как дети, так смешно расстраиваются. Ну что ж, деньги я выиграла...

ОН: И много выиграла.

ОНА: Да, возбуждает. И хоть жалеть не в моих правилах... Но милосердие...

Он радостно вскакивает со стула.

ОНА: По-моему ты забыл!

Он бросается к окну, задергивает занавеску.

ОНА: Еще забыл!

Он торопливо гасит свет.

ОНА: И вправду помнишь!

В темноте стоны любви. Потом страстный женский крик: «Мамочки, мамочки, мамочки, мамочки – о! о! о!»

Позднее утро Он и Она – только проснулись.

ОНА: Боже мой, сколько сейчас?

ОН: Думаю, около одиннадцати.

ОНА: Чума! Иди мыться!

ОН: Это было этажом выше... по-моему?

ОНА: Естественно там *это* и осталось. Квартира 32. Живет там все та же бабуля. Раньше давала писать задаром. Сейчас туалет нам сдает. У старушки бизнес. Ключ висит под Лениным... Весь дом выселили, только про бабулю забыли. И она в квартире 32 спокойненько живет. Мой – сейчас серьезный чин в милиции. Он узнал: дом хотят продать иностранной фирме под офисы. Мы поможем бабке приватизировать квартиру, потом у нее купим, и продадим фирме за очень большие баксы. Кстати этот полуподвал мы тоже приватизируем, и откроем ночной бар... Конечно, с девчужками.

ОН: Мне ночью снилось. Какой-то «краснорожий, с лицом похожим на вымя», и ты ему говорила: «Я его, то есть меня, запросто продам». И я проснулся.

ОНА: Мне хотелось бы тебя продать... Да кто купит! А сейчас иди писать, а я буду краситься. времени много. Ну иди, иди, ты же знаешь, я стесняюсь голая.

Он уходит.

Она встает, торопливо делает зарядку, одевается... Ставит кофе на электроплиту.

Он возвращается.

ОНА: Включи телик для бодрости, ненавижу тишину. Там теперь по утрам замечательно орут рок.

ОН: Ненавижу рок – это то, от чего схожу с ума в Америке.

ОНА Теперь у нас будешь сходить.

Он включает.

ГОЛОС ДИКТОРА: «Образован Государственный Комитет по Чрезвычайному Положению. В СОСТАВ КОМИТЕТА ВОШЛИ»...

Застыв, они слушают сообщение диктора.

ОН: Боже мой!

ОНА: Идиот Горби – отдыхать поехал! Как будто здесь можно отдыхать – здесь можно только умереть! Ну теперь начнется... Сукины дети! Снова партсобрание, Карла Марла, Лукич... Слушай, а папа Ленин – провидец: все ждал событий! Все ружье готовил. Снова «советский народ – неумолимый строитель Коммунизма». Все народы утомились, а мы нет. Ну почему я здесь родилась? Думаю, сейчас придет.

ОН: Кто?

ОНА: Мой! Недаром вчера меня о деньгах спрашивал! Он уже вчера все знал! Нужно в темпе мотать отсюда.

Он лихорадочно одевается.

ОНА: Торопись! (набирает номер, включив спикер).

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Алло.

ОНА: Диана, это я.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Уже слышала?

ОНА: Слышала.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Теперь еще послушай.

Становится слышен глухой грозный шум.

ОНА: Это еще что?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Танки.

ОНА: Какие танки?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Какие бывают... С пушками!

ОНА: Иди на *...!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Ну ты же слышишь. Идут прямо под окном... У меня окна – одно на Садовое – и другое на повороте на Кутузовский...

ОНА: Значит идут к Белому дому...

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: У нас всюду патрули... У меня пост поставили прямо у парадного... Любуюсь сверху на сапоги часовых.

Он нетерпеливо, нервно расхаживает.

Звук льющейся воды за окном.

ОНА (ему): Перестань трусить, лучше отгони от окна эту падлу!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Что там у тебя?

ОНА: Как всегда... Та власть, эта власть – все равно ссут у окна.

Он подходит, открывает штору.

В окне видны сапоги. Он тут же испуганно задерживает.

ОН: Сапоги!

ОНА: Ну ладно, Диана, я позвоню.

Звук прекращается.

ОНА: Ну?

ОН: (заглядывает через штору): Стоят!

ОНА: Понятно. Значит – часовой! Так сказать – облегчился «не отходя от кассы» – чего там стесняться...

ОН: Чуть тише говори. Но почему часовой здесь?

ОНА: Это уже привет – от моего...

ОН: От кого?

ОНА: Да, недаром он говорил про понедельник.

ОН (истерически): Ну что делать?! Что ты молчишь!

Звук ключа, открывающего дверь. Входит молодой человек в штатском.

ОНА: А вот и мой – собственной персоной.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Все в сборе?...

ОНА: Позвольте вам представить, Билл, моего компаньона Сашу... А это – господин Билл Джонс...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Какой же он «Джонс», мы с тобой отлично знаем – кто он. Ну что, развратничаешь, мужик? Думаешь, если ты оттуда, тебе здесь все можно? Паспорт-то у тебя при себе?

ОН: По-моему, вы что-то не поняли: я американский гражданин.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Это вчера ты был американский. А сегодня – наш. Был прежде такой хороший закон: люди, родившиеся на территории СССР – подлежат советской юрисдикции. Был и теперь снова будет. Это значит: ты для нас невозвращенец – Боря Штейн, продавший Родину-мать за чечевичную похлебку... Что ж ты Родину-мать продаешь, паскуда? И нашу проститутку вербуешь в ЦРУ? 6 лет назад помнишь, что здесь говорил? Если не помнишь, мы напомним – благо на ленте записано... (засмеялся) Ишь побледнел, твой клиент.

ОНА: И что же происходит?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Книжки надо читать... Взяли мы как то у одного диссидента хорошую книжку – «История города Глупова» называется... Там глуповцы получили свободу – и тотчас начинают что? Безобразничать. И в конце концов в город въезжает новый градоначальник. Настоящий! И начинает что? Пребольно сечь. И глуповцы, как это неудивительно, очень рады... Устали они от свободы. Вот это и происходит сейчас, подружка дней моих суровых! Что делать, у нас только два варианта – или Ивану в ноги, или Петру – в зубы!

ОНА: И ты все знал!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Естественно!

ОНА: Ай, ай Сашок. Не предупредил подружку суровых дней.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Зачем? Ты враг. Проститутка... Шучу, конечно. Не предупредил вчера, предупреждаю сегодня (хохочет). Я, кума, веселый.

ОН: Ну я, пожалуй, пойду.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: По-моему, ты шутишь! Нет-нет, тебе посидеть придется. Прости за каламбур...

ОНА: А где же Ельцин?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Думаю, на параше, в тюряге. За ним с рассвета ребята поехали на дачу в Архангельское... Поддал наверное по случаю воскресенья... Утром встал: воздух, покой, сидит себе в домашних тапочках – ан ребята уже у дачи. А он, как и ты – не в курсах!. Зря выходит матрешек с его рожей заказывала (хохочет)...

ОНА: Поболтали и хватит.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Да, давай к делу. Ну что ж, мать, наступило суровое время: Строгое время. Будут выявлять – воров-кооператоров, мафиози, шлюх – в общем всю вашу нечесть, разложившую державу. Будут обыски... Так что если хочешь избавиться от лишних денег...

ОНА: Лишних?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Можно иначе – опасных. Если хочешь сохранить. ну хотя бы часть...

ОНА: По моему ты меня принимаешь за дуру?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: По-моему, наоборот (достает из бокового кармана бумаги). Видишь – листики-листочки? Это не листики-листочки, это ордера на арест... Что делать – режим чрезвычайного положения. Текст – один и тот же: «изолировать» Кого? Загадка – пустое место... Ждет заполнения... А мое дело – вписать... Объясните ей, господин невозвращенец, что она просто рождена для этой бумажки – и проститутка, и кооператор... Плюс ебарь у нее – невозвращенец, брошенный к нам ЦРУ под другой фамилией...

ОНА: Ну что, денежки тебе – и свободна я?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Плюс боязливый друг – тоже... Если откроет «котлету»... Так у нас, сэр, называются личные и толстые бумажники... И отстегнет в благотворительный фонд имени Павлика Морозова... сколько совесть подскажет! Отстегнет недостаточно, ошибется – пусть на себя пеняет... Шутка, конечно. Поверь, мне действительно хочется помочь тебе в память наших не только деловых отношений.

ОНА (Биллу): Мы трахались – он это хочет сказать... (Саше) Прости, Сашок, но... не лучшие воспоминания.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: А у меня вполне! А ты смелая!. Потому что глупая... Не веришь, что впишу тебя в бумажку... Рассудила детскими мозгами, как же я это сделаю, если мы работали вдвоем? Объясните ей, господин советолог, что существуют у нас только два класса: те, кем управляют и те, кто управляет... То есть – Мы... Будет капитализм – мы будем президентами компаний, придут комуняки – мы будем секретарями партии... так что для нас не бывает ни нового времени, ни старого. Для нас есть только *изменение* тактики! Изменилась тактика – и мы, подруга, тебя сажаем, Изменится опять – и мы с тобой снова в бизнесе... Но все делаем мы, а вы у нас всегда Рабиновичи, даже если вы Ивановы.

ОНА: Хорошо говоришь, но зря. Ты ведь знаешь: я все могу, только не отдать деньги.

Гудок машины.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Водила! Что ж надо идти!.. Ну на прощание попроси советолога рассказать тебе, что у нас делают в тюрьме с красивыми шлюхами. Дело в том, что охрана получает мало... Поэтому девушек держат в отдельной камере... И ночью, за бабло, пускают туда состоятельных блатарей... 10 козлов за ночь там рабочий минимум, Так что, посоветуй ей быть разумнее, молчаливый трус.

И тогда Он очень нелепо, неумело дает пощечину Молодому человеку.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (уважительно): Поступок... но неразумный.

Ударом сбивает Его на пол и на полу начинает лихо избивать ногами.

Она выхватывает газовый револьвер.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (продолжая избивать и не оборачиваясь): Не работает. Такой была вся партия. Потому и подарил тебе...

Звонок в дверь.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: За мной, к сожалению... Ну ладно – отдохнули и будя! (помогает ЕМУ подняться). Утри красные сопли... Аэропорт будет закрыт. За бугор не уедешь. По стране бегать теперь бессмысленно. У нас всюду будет прежний порядок, и теперь тебя всюду из-под земли достанут... (звонок в дверь). Подождать не может, е...й водила! (Идет к двери, открывает).

Входит «Ленин» – в кепке, без бороды и усов. В руках – чехол с карабином.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Кто к нам пришел! Никак – «человек с ружьем»? (Уходит).

«ЛЕНИН»: Доча! (обнимает ее).

ОНА: А мы вот с товарищем балакаем... только что из города имени тебя приехал.

«ЛЕНИН» (не слушая, восторженно): Доча! С праздничком тебя! С новым Октябрем! Что я говорил? Опять: «Даешь мировую Революцию!»

ОНА: А как же ты меня нашел, папа?

«ЛЕНИН»: А молодой человек, видать – твое начальство?

ОНА: Оно.

«ЛЕНИН»: Важное – сразу видать: «Волга» с антенной, фары желтые.

ОНА: Ты на мой вопрос не ответил: как же ты разыскал меня, папочка?

«ЛЕНИН»: Архиэлементарно. Взял старый справочник! Но почему в ДОСААФе – кровать? И такой беспорядок.

ОНА: Переезжаем... В новое большое помещение. А кровать теперь во всех ДОСААФах. Ветераны, как старые раны занюют...

«ЛЕНИН»: Ну да, конечно.

ОНА: Но ты мне не ответил, папаша – почему ты пришел без спроса?...

«ЛЕНИН»: Ах, голубушка, сегодня особый день Прекрасный день. На улицах – люди, танки. Прости, но я... Лениным немножко посижу... (накладывая на лицо бородку и усы). Какой день: второй раз за 74 года – мы готовимся подавить буржуазию... И какое совпадение – сегодня конец моего «срока». Я снова Ленин в такой день! Нет, нет я не верю в мистику... Я как-то сурово записал на полях книги Гегеля – «Боженьки захотел негодяй!» Но уж очень знаменательное совпадение... А где остальные работники ДОСААФ?

ОНА: Смешной вопрос.

«ЛЕНИН» Да-да, конечно, ушли на объекты борьбы (ходит, по-ленински, потирая руки). Снова, батенька, будем брать почту, мосты и телеграф!

ОНА: Снова повторю вопрос: как ты посмел – без моего разрешения сюда прийти?

«ЛЕНИН»: Архисложная ситуация потребовала. В 6 утра я услышал о чрезвычайном положении. Это значит все оружие должно быть сдано на поддержку пролетариата. (ЕМУ) Простите, товарищ, но, кажется, мы знакомы?

ОНА: Наконец-то, вспомнил!

ОН: Ну, конечно, 6 лет назад...

«ЛЕНИН»: Да, да, товарищ Джон Рид из США?

ОН: Совершенно точно... Приехал по приглашению ДОСААФ. Устраиваем встречу ветеранов двух стран. Новую «встречу на Эльбе».

«ЛЕНИН»: Только не забывайте, товарищ, о классовом подходе: есть ветераны-пролетарии... но есть ветераны-капиталисты.

ОНА: В последний раз: как ты мог прийти – без спроса?...

«ЛЕНИН»: Да, да. Короче, я поехал сдавать это ружье (вынимает из чехла). Это прекрасное охотничье ружье. Ильич обожал охоту. Однажды весной он настрелял... не поверите – полсотни зайчиков...

ОН: Какая меткая рука.

«ЛЕНИН»: Именно, именно, батенька. Здесь очень была важна тактика!

ОН: Тактика?!

«ЛЕНИН»: Именно, было половодье, и Ильич ленинским архимозгом прозорливо сообразил: зайчата сгрудятся на маленьком острове. Непременно Так оно и было. И он – дзык-дзык... чик-чик...

ОН: Перестрелял!

«ЛЕНИН»: Всех!

ОН: Я читал в детстве что-то подобное. Называлось – «Дед Мазай и зайцы». Там тоже половодье и тоже зайчики – правда дедушка Мазай их спасал!

«ЛЕНИН»: Хотите укорить Ильича. Не надо! Здесь дело тонкое! Партийное. Еще Троцкий писал – о буржуазном предрассудке, именуемом «священной ценностью человеческой жизни» (Расхаживая с ружьем, иногда машинально наставляя на присутствующих). Есть только одна ценность: интересы пролетариата. И во имя...

ОНА: Положи немедленно ружье!

«ЛЕНИН»: Мы должны уметь перешагнуть... Вот почему тогдашние титаны вытравливали в себе слюнявую интеллигентскую жалость. Не все тут выдерживали, Однажды знаменитый революционер Камо, друг Ленина, придумал закалить волю Федюши Алиллуева, десятилетнего брата жены Сталина (наставил ружье на Него).

ОНА: Немедленно! Отдай! (забирает ружье, но упоенный монологом «Ленин» даже не замечает).

«ЛЕНИН»: Отряд Камо притворился зверски расстрелянным, сам Камо улегся на пол с разрезанным бычьим сердцем на груди, остальные лежали рядом перепачканные бычьей кровью... И когда Федюшка Алиллуев вошел... хлюпик не выдержал – сошел с ума... Так что Ильич даже на зайчиках старался убить в себе ложный буржуазный гуманизм!

ОНА: В последний раз...

«ЛЕНИН»: Все, все. Короче взял я свое ружье, доча, и отправился сдавать его в комендатуру... Иду и мечтаю: Смольный в 17 году, солдаты топчут драгоценный паркет, спят прямо на полу, дымят махоркой... Все пропитано революционным духом... И вот я иду окунуться в атмосферу... Но...

ОНА: Но?

«ЛЕНИН»: Даже внутрь.

ОНА: Не пустили!

ОН: И кто же вас не пустил?

«ЛЕНИН»: Известно кто – часовой.

ОН: А как сюда часовой вас впустил?

«ЛЕНИН»: Не понял, товарищ?

ОН: Ну – часовой который на улице у нашего окна.

«ЛЕНИН» изумленно глядит на НЕГО.

Он открывает осторожно занавеску: сапоги по прежнему недвижно стоят в крохотном окне.

ОН: Сапоги!

«ЛЕНИН» (не понимая): Сапоги!.. (понял, залился звонким «ленинским» смехом). Это два старых сапога, батенька... Кто-то выкинул их и сейчас в одном спит котенок...

(Продолжает по-ленински смеяться).

ОНА: Ну – «синьор динь-динь» – достаточно.

«ЛЕНИН»: А ружье в комендатуру не взяли. Как ни просил... Говорят, не надоедай, дед. У нас этих ружей до хрена... И тогда решил отдать ружье в руки ветеранов. И потому пошел к тебе в ДОСААФ, доча... Вот и вся причина.

ОНА: Помощь мы, конечно, окажем, ружье заберем – нечего тебе с оружием шляться по улицам. Передадим твоё ружье в надежные...

«ЛЕНИН»: Пролетарские.

ОНА: Бесспорно пролетарские руки. К сожалению, папа...

«ЛЕНИН»: Все понимаю, сегодня много дел, у нас – революция! Кстати, Ильич относился к Революции как к искусству, Он учил: восстание должно начаться: во-первых, когда низы не хотят, а верхи не могут... Эта ситуация – налицо.

ОНА: Папа, давай сразу – «в третьих»...

«ЛЕНИН»: В третьих, под лозунгами, понятными массам. В Октябре 17-го мы провозгласили: «отнимаем у буржуев хлеб и сапоги».

ОНА: Понятно! Надеюсь ты не пойдешь на улицу в этом виде?

«ЛЕНИН» (с сожалением): Да, еще рано... Тогда я явился перед массами, только когда Революция победила (снимает со вздохом усы и бороду). У Троцкого есть в мемуарах: в победоносную ночь Октябрьской революции я ему сказал по-немецки: «Голова кружится». Как девушка, понявшая, что ей принадлежит любимый... Революция – любовь моя... А знаете почему Ильич ответил по-немецки?

ОНА: Вам пора восвояси, папаша.

«ЛЕНИН»: Потому что следующая Революция должна была победить в Германии... Значит тогда в дни Октября – я продолжал грезить – о чем? О мировой Революции! Все – ухожу доча, – иду дышать воздухом пролетарского восстания... «Голова кружится» (Уходит).

Они остаются одни. Он хочет сказать, но она прикладывает палец к губам: молчи!

Она тихо подкрадывается к двери. И резко толкает. Крик за дверью.

ОНА: Надеюсь, теперь вы действительно уйдете, папаша – дышать революционным воздухом.

В окне проходят ноги «Ленина».

ОН: Сапоги! Надо же.

ОНА: Страх, дружок – сильное чувство. Сильнее любви. У некоторых.

ОН: Ну что делать будем.

ОНА: В каком смысле?

ОН: Может нам заплатить твоему?...

ОНА: Ты что? Я же сказала: я могу только брать... да он и сам это знает!

ОН: Но убежать, действительно, бессмысленно. Разыщут.

ОНА: Кто? Где? Эх ты советолог! Здесь, запомни, всегда – бардак. Подари видео – и тебя укроют хоть в бункере. Тоже дурачков нашли – «чрезвычайное положение» – порядок они наведут! За два дня! Здесь за тыщу лет ничего не навели. А теперь – страх ушел. А у нас без страха, как без снега – все сразу вымерзло... Это он тебя на понтусики брал – ну дай ему, если боишься...

ОН: Допустим, не дам. Но ты что думаешь делать?

ОНА: Бизнесом займусь: может танк куплю – на улицах, слышал, танков много (набирает телефон). Дианка, ну как там насчет танков?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС В СПИКЕРЕ: Слышишь? (Далекий гул). Все идут... Но ты представляешь – народ баррикаду делает... Клянусь... Сейчас баба вышла из парикмахерской в халате... Ну сто килограмм живого веса... Ампиратырь! И задницей троллейбус помогать толкала – для баррикады!.. И сдвинули, клянусь!

ОНА: «Против лома нет приема».

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Сейчас мои девки пошли к Белому дому. Там такая тусовка к ночи будет. Говорят такие актеры собираются и, вообще разные известные люди. Из Макдональда «бигмаки» носят бесплатно. Ты придешь?

ОНА: А Ельцина забрали?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Да ты что! Он как Ильич – залез на броневик... Причем не поверишь – трезвый... Ну придешь?

Гул в телефоне.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Танки! Подношу трубку к окну! Слышишь?

Гул идущих танков. Крики толпы.

ОН (тихо): Мы встретились в великий миг Истории... У Вольтера написано: в разгар исторических событий – всегда были двое, которые... (ласкает ее).

ОНА: Ну перестань, перестань (положила трубку на стол, теперь в спикере по-прежнему слышен грохот танков).

ОН: Которые занимались... Поверь, это так прекрасно – любить друг друга в великий миг Истории... (ласкает ее).

ОНА: Ну что же это такое! Ну выключи свет. И почему ты такой бесстыжий...

Уже раздеваясь, в одном ботинке – он скачет к выключателю.

ОН: Ну где он, где?!

ОНА: Все там же – ... под Лениным., Америка тупая...

ОНА сама идет и выключает свет.

Темнота...

Звуки поцелуев.

Сухие щелчки раздаются из телефона.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (по телефону): Стреляют, слышишь? Они стреляют...

ОНА: А ты не боишься, что он вернется, нас арестуют (смех).

ОН: Впервые в жизни – ничего не боюсь. (Кричит) Я не боюсь!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (в трубке кричит): Там что-то горит!.. И стреляют, стреляют, стреляют!!!

Звуки поцелуев.

В темноте Ее голос: «Мамочки, мамочки, мамочки, мамочки – о! о! о!

о! о!»

Прошло еще 2 дня. Утро третьего дня Путча.

Та же комната. Она одна, одевается. Звяканье ключа и входит все тот же молодой человек в штатском.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: С праздничком нас всех, мамуля, с великой победой.

ОНА: «Не понял?»

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: «Спасена Россия», – как сказал бы Кутузов. Ух ты, мамочка моя! (Обнимает ее). Ух ты, душистая! Может, по старой памяти...

ОНА: Нырнем в ложе?

Входит Он – с полотенцем через плечо.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Никак, из туалета?

ОН: Именно оттуда.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Ну, девки-парни, лучшие люди были на баррикадах, а вы, как я вижу...

ОНА: А мы – ни-ни.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Занималась?...

ОНА: Совершенно точно – профессией. Вспоминала.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Все дни?!

ОНА: Никогда не умела наполовину.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Нет слов. Страна боролась за демократию...

ОНА: Действительно, было шумновато на улице.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Простите нас, танки шумели.

ОНА: И нервно. Мы ведь тебя поджидали... А ты как время провел? Списки хоть составить успел? Или танк хотя бы, купил?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Ну не понимает она шуток. Ну что делать?

ОНА: Почему? Я так и объяснила нашему испуганному американскому другу, которого ты назвал «невозвращенцем». Говорю, не бойсь, америкос, это он шутит! У америкоса, правда, ребра до сих пор болят после твоих шуток.

ОН: Нет-нет, ничего. Все обошлось, коллега. В смысле – коллега по убеждениям. Мы ведь сейчас, как я уже понял, все демократы? Так что расскажите нам, как демократ демократам, что происходит снаружи?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Ну хорошо, ты хочешь серьезно – давай. Мог ли я сказать вам позавчера то, что думал на самом деле? Неужели я так глуп, и у меня хоть на секунду было сомнение, чем все закончится? Все главари путча – это вчерашние комсомольские вожди. Ну было хоть одно дело за всю их жизнь, которое они не просрали? Неужели ты думаешь, наши ребята не взяли бы Ельцина... если бы хотели.

ОНА: Суку – как ты называл его позавчера.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Ну зачем ты лезешь в то, что не понимаешь? Ты «про это» все понимаешь! Вот про «это» и рассуждай. А про другое – молчи. (ЕМУ) Перестройка дала нам, молодым, свободу: будет счет в Швейцарии, будет телка в Париже, будут... эх, что будет! А старые пердуны захотели нас загнать в прежнюю клетку – зубрить Ильича, и спать на собраниях!

ОНА: Поняла, ты, действительно, демократ. И будешь в порядке при новой власти...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Не-а, при любой власти.

ОНА: И по этому радостному поводу – не хочешь ли нас оставить?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Мешать медовому месяцу? Никогда! Лишь звончек по телефону. Думаю, придется скорректировать наш прежний заказ. Возражений у партнера нет?

ОНА: Да, мы ведь опять с тобой партнеры! (засмеялась) Ладно – я отправилась мыться.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Быстро звоню – и быстро убираюсь.

Она уходит. Молодой человек набирает номер.

ОН: Вы что же, больше сегодня не появитесь?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: А я вам нужен?

ОН: Скажем – очень нужен.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Неожиданность...

ОН: И как нам встретиться?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Примитивно: я к вам зайду в отель – вечером.

ОН: Я живу в отеле «Савой».

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Обижаете, знаю... Допустим, в три? Устроит?

ОН: Можно и в три.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Кстати, в три можем и здесь... Вашей дамы не будет – она поедет за товаром. (Говорит по телефону). Алло. У тебя, конечно, занято – как всегда. Надо скорректировать наш заказ. Мы не будем заказывать матрешек Горби. А вот икры и Ельцина – нам надо побольше. В три к тебе заедет Инесса, и вы все с ней обсудите.

Вешает трубку.

ОН: Итак, до трех.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: До трех, друг Билл.

Уходит.

Возвращается Она.

ОНА: Исторические дни, как я понимаю, закончились?

ОН: В Америке не любят фильмов с плохим концом. Фильм с расставанием там не пойдет.

ОНА: Мы уже обсудили этот вопрос 6 лет назад. У нас с тобой все тот же русский фильм – с расставанием.

ОН: Я еще раз предлагаю тебе уехать.

ОНА: Я еще раз отвечаю: приеду к вам только миллионершей.

ОН: Ну и что ты тут будешь делать?

ОНА: Теперь все. Могу организовать сеть саун под названием «Оздоровительно-эротическое шоу имени Александры Коллонтай». Знаменитая революционерка ратовала за свободную любовь! Или... изберусь в парламент. Люблю повторять: Ильич ошибся – совсем не кухарка будет управлять у нас государством. Однако, какие забавные ноги прошли пару минут назад мимо нашего окна. До боли знакомые ноги.

(Неслышно ступая, идет к двери, резко распахивает, крик «ЛЕНИНА»: А-а!).

ОНА: Здравствуй, товарищ папочка. Подслушивал, как всегда?

«ЛЕНИН»: Здравствуй, доченька.

ОНА: Ну как, победил твой Октябрь, папочка? Ты не огорчайся – в другой раз победите.

«ЛЕНИН»: Это точно. В другой раз – победим.

ОНА: Расскажи свои мысли по этому поводу товарищу Джону Риду, а я пока докрашусь.

«ЛЕНИН» (указывая на свое ружье, стоящее в углу): Так и не сдали мое ружьецо?

ОНА: Ты уж прости, папочка: заняты были, очень.

(Уходит).

«ЛЕНИН»: Неудобно тут у вас с туалетом. Впрочем, я всегда предпочитал на воздухе, как в Шушенском. Значит, вы прямо из Америки, товарищ Рид?

ОН: Совершенно точно – напрямик оттуда. И, что самое интересное: у меня к вам очень важное предложение – опять же оттуда.

«ЛЕНИН»: Важное для кого? Может для империалистических спецслужб?

ОН: За кого вы меня принимаете, товарищ Ленин?

«ЛЕНИН»: Архидительность еще никогда никому не мешала. Излагайте дело, товарищ.

ОН: Дело, можно с полным правом назвать секретным. Международное рабочее движение, как вам известно, переживает не лучшие времена. Сколько пролетарских партий на Западе прекратили существование?.

«ЛЕНИН» (расхаживая): Соглашательская сволочь! Министруальная мразь! Ренегаты всех мастей! Политические проститутки!

ОН: Я понимаю ваш ленинский гнев. Тем более, что на очереди падение коммунистов в Союзе. Вот почему верными марксистами-ленинцами создан подпольный международный центр «Возрождение Рабочего движения». В этом месяце, в Нью-Йорке решено созвать Первый подпольный конгресс новой организации мирового Пролетариата.

«ЛЕНИН»: Отменное решение. Ильич уважал конгрессы.

ОН: Именно. И на конгресс решено пригласить вас. Не скрою, это я рассказал о вас руководству конгресса. И убедил, что в вас буквально говорит ленинский голос.

«ЛЕНИН»: Только пожалуйста, батенька, без религиозной мистики. Ильич не любил... Но предложение мне нравится. Очень-очень кажется перспективным.

ОН: Я думаю, вам стоит выступить перед конгрессом с чтением вслух важнейших ленинских статей. Это сильно воодушевит. Что касается документов, виз, билета – все это мы берем на себя.

«ЛЕНИН» (деловито): Когда лететь?

ОН: Думаю – через неделю, надеюсь не позже. Сегодня днем я кое с кем встречаюсь – и срок вашего отъезда станет яснее. Но просьба одна...

«ЛЕНИН»: Держать в секрете. Могли бы не напоминать. В нашей партии все и всегда было в секрете.

Около трех часов дня.

Та же комната, она пуста. Звук ключа в замке, открывается дверь и входит все тот же молодой человек в штатском.

Молодой человек вынимает из портфеля бумаги, складывает в горку и разводит маленький костер. Пепел собирает в бумажку и, аккуратно завернув, кладет обратно в портфель. Затем из портфеля вынимает телефонную трубку, набирает.

ГОЛОС В ТРУБКЕ: Алло.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Какие новости?

ГОЛОС В ТРУБКЕ: Много новостей.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Говорят, маршал повесился?

ГОЛОС: Нет, маршал *повесится*...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Мне сказали, что кто-то выбросился из окна...

ГОЛОС: Пока нет. Может, в дальнейшем.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: А у меня здесь маленький пожар.

ГОЛОС: Все сгорело?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Абсолютно.

ГОЛОС: Ну что ж, начинается новая жизнь (гудки в трубке).

Звонок в дверь. Молодой человек открывает, входит Он.

ОН: Вы один?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Ну вы же хотели чтоб я был один. Не ошибся? Хороша баба!

ОН: Что и говорить.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Сколько ж ты выбросил долларов?

ОН: Я не понял?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: За билет, чтоб к ней приехать.

ОН: А я не к ней приехал.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: К кому же?

ОН: На этот раз... к тебе. С предложением.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Родину не продам.

ОН: Родина не при чем. Дело совсем другое. Но баксы будут большие Я бы даже сказал – очень большие. Это просил передать тебе Артур – если ты его еще помнишь.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Ну как же забыть Артурку! Все-таки – одна телка была. Он ею за отъезд заплатил моему начальнику... И мне заодно... Пардон – забыл.

ОН: Ничего-ничего. Я давно знаю – все мы родственники.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Ох, Артурка! Какая голова! Он ведь вначале в Израиль подался. И представляешь, в те годы сумел оттуда дать взятку – и предка к себе перетащить. И пустили папашу! Его отец ко мне звонит: «Скажи, а как их там называют? Ну... чтоб не обидеть. Не могу же я их называть евреями...» Ну Артурка – ну голова. Он первый раз в 90-м вернулся и сразу на родину поехал. Там выбирали губернатора. Из Венесуэлы... чтоб подешевше, политтехнолога привезли, чтоб кандидата-комуняку убрать... Но Артурка сказал: «Да я вашу политтехнологию... Даете тыщу баксов и комуняке – писец... Утром народ проснулся идти голосовать. И на всех машинах на ветровом стекле – листовка «Голосуйте за...» и фамилия комуняки. Хотят снять – нельзя – прилеплена несмываемым клеем. Какая была ярость! Как провалился комуняка! Но что мне нравится, Артурка – патриот. Он всегда с гордостью говорит: «Я из великой страны где ничего нельзя, но все можно!»

ОН: А ты меня вправду не узнал.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Не обижай – приходил к тебе обыск делать... Ты все хренотень писал запрещенную. Все своей девке обещал «Мне бы только вырваться...» Все грозил «там прославлюсь!»... Мой начальник Чернышевский Николай Гаврилович, большого ума мужик, сказал о тебе: «Боря Штейн бездарен»... Вот другой Штейн, тоже кстати, из прибалтийских немцев, тоже книги писал, и тоже в ФРГ намылился... того Штейна он ценил, но говорил: «Оба там провалятся. Этот – потому что слишком бездарен, тот – потому что слишком талантлив». Но того любил. Тот когда уезжал – пришел к Чернышевскому Николаю Гавриловичу. Говорит, любимую кошку взять с собой не разрешают. Ну Чернышевский всем плешь проел, но кошку в ФРГ выпустил... В последний раз они с тем Штейном пять часов сидели. Чернышевский ему вопросы по книгам задавал. Тот даже прослезился: «Мне 62, а я первый раз читателя встретил». И обнялись... Чернышевский Николай Гаврилович говорил: «Главная наша ошибка – запрещаем. Мы самая читаемая потому что самые запрещенная. Разреши читать все и никто ничего читать не будет...» И тотчас нам анекдот для усвоения. Он анекдотами всегда беседы подкреплял. «Беседуют две птички. Одна прилетела с Запада, другая – наша. Наша птичка: «Ну как там?» – Не представляешь, там – чирикай все что хочешь». – «И ты?» – «Чирикала!» – «Ну и как?!» – «Чирикать, конечно можно всё, но только кто ж тебя слушает!»... Он так радовался когда Горбача назначили. Был уверен теперь рванет на самый верх.

ОН (усмехнувшись): Рванул?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Правильно понял... На пенсию сразу вывели. А ты? Ну как, прославился.

Он молчит. Молодой человек хохочет.

ОН (зло): Ну ладно, поболтали, родственничек, и за дело! Впрочем, наш разговор пойдет тоже о родственнике. Он сюда через полчаса притопает. У меня с ним тоже – встреча.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Папашка?

ОН: Итак дело. Как ты заметил, наш папашка – не просто сумасшедший. Он – действительно вылитый Ленин. Сходство – пугающее. И Артурка сразу сказал: «Грех не воспользоваться».

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Ну Артурка, ну Артуревич – из всего сделает баксы.

ОН: Справедливое замечание. Бизнес, предложенный на этот раз Артуром, распадается на две части.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Весь – внимание.

ОН: Есть богатейший покупатель. Его отец – мультимиллионер, помешанный на Ленине. И сына назвал Ильичом! То ли от имени, то ли по призванию, но сын стал тоже ленинским фанатом... Месяц назад его папаша изволил отдать концы. И к нему перешли все папашины мультимиллионы... Короче, теперь у этого восхитительного богача появилось страстное желание: получить мумию Ленина... Он мечтает повозить мумию по миру. А потом подарить ее Кубе... И основать там Мекку Коммунизма. Он много читал о вашей неразберихе, и подумал, что сейчас самое удачное время выкрасть мумию.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Из Мавзолея? Спятил?! Здесь танк нельзя достать, а вы – Ленина. Нет, нет – дохлый номер.

ОН: Совершенно прав – это невозможно. Но у нас в Штатах хороший бизнесмен выслушивает до конца. У нас запрещено слово невозможно. Артурок все придумал: красть мумию из Мавзолея не надо. Это слишком хлопотно. Проще – ликвидировать Мавзолей.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Не понял?

ОН: Мавзолей взлетает на воздух. Думаю, сейчас у вас это не проблема. После чего в западных СМИ начнут появляться информации... мы об этом позаботимся... дескать, мумию украли, оттого взорвали Мавзолей... И мы отдаем мумию мультимиллионеру.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Не секу.

ОН: От тебя требуется немного – ликвидировать Мавзолей.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Договоримся – рассказываешь все.

ОН: Короче, в Америке мы создаем мумию Ленина и продадим ее террористу как подлинную... украденную из взорванного Мавзолея.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: А где ж ты ее возьмешь?

(Билл смеется).

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (наконец, понял, восхищенно): Иди на фиг!

ОН: Ну конечно: он же – вылитый.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Ну а как же?...

ОН: Элементарно: мы с ним уже договорились – я привожу его на некий конгресс в Нью-Йорк. В Нью-Йорке нежный укольчик. И совсем безболезненно папашка Ленин уходит из наступающей капиталистической жизни... Труп мумифицируем... передаем кубинцу и получаем баксы.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Несчастный папашка!

ОН: По-моему – наоборот: счастливый. Если бы ему сказать, что после смерти он станет истинным Лениным – клянусь: он почел бы себя счастливейшим из смертных... Ты должен оформить ему паспорт и побыстрее...

Вдруг замер, прислушивается. Крадет к двери и с силой толкает. Крик за дверью.

Входит Ильич, держась за лицо. Оглядывает комнату и как ни в чем ни бывало, садится около своего ружья в углу – под картиной «Ленин читает газету «Правда».

«ЛЕНИН»: Так, батенька, и ленинское лицо расквасить не долго.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Давно слушаешь?

«ЛЕНИН»: С начала.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Значит, все слышал?

«ЛЕНИН»: Революционная бдительность. Я сразу понял: чего-то замышляет, американец лжетоварищ Джон Рид. Надо, думаю, его хорошенько проверить... Я еще утром здесь на оконце занавесочку и задернул, чтобы ноги не видны были, когда опять приду. И пришел. Заранее. Во дворе сначала хоронился. А уж потом у двери встал на революционное дежурство (берет ружье). Отличное ружьецо... патроны к нему прихватил (смеясь, заряжает). Я вам это ружье оставил, чтоб пролетариату помочь, а вы меня обманули, никуда его не сдали. Так и простояло бесполезно ленинское ружье. Впрочем – я ведь только сначала думал, что оно ленинское, а оно оказалось (засмеялся) самое что ни на есть – *чеховское*... Не поняли?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Что за ахинею несешь, дед?

«ЛЕНИН»: Да, нет не ахинея. Что такое ленинское ружье – это понятно всем революционерам. Зато что такое «чеховское» – понятно только всем актерам. Чехов так объяснил нам закон хорошей драмы: если в первом акте висит ружье, то в последнем оно должно что? (поднимает ружье и целится в молодого человека)...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Да ты что?!

«ЛЕНИН»: Ха-ха. Вот именно – выстрелить!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: «Человек с ружьем», ты чего здесь демагогию разводишь! Я бы на твоём месте сейчас к народу вышел. Может, еще не все потеряно? Брось людям пару ленинских лозунгов и позови нас посмотреть, что они с тобою сделают. С тобой и с твоим ружьем.

«ЛЕНИН»: Я вижу, ты уверен, что русская буржуазия взяла сейчас верх?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Готов охотно поверить, что взяла «низ», Владимир Ильич.

«ЛЕНИН»: Ты что же думаешь, что все министры, в руках которых были армия, милиция, КГБ, Советы – любимое дитя пролетариата... ты думаешь, все они не смогли бы арестовать одного человека? Только одного нужно было арестовать, и занять только одно здание, где собрались российские министры-капиталисты...

ОН: Я чувствую, у вас какая-то очень интересная мысль, Владимир Ильич.

«ЛЕНИН»: Ильич ее высказал в 22 году.

ОН: Простите, но я слышал, что у него в это время высох мозг, пардон?

«ЛЕНИН»: Что ж, все так. После смерти мой мозг хранился в институте Ленина. Одна половина была совершенно нормальная, а другая, нота-бене: архиссохла. Сморщенный комочек. Но на то и был он гений, чтобы с сохшимся мозгом продолжать творить во имя пролетариата. Великим интеллектом революции я написал тогда свое Завещание.

ОН: Ну как же, читали-с: «Сталин очень грубый, и за грубость его необходимо снять». Как же, помним!

«ЛЕНИН»: Нет, гражданин недорезанный американский буржуй, это была лишь маленькая часть Завещания, лишь верхушка айсберга. Сам айсберг вам знать было не дано. Да-да, существовала совершенно секретная часть, о которой знали лишь главные люди в партии.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: А что? Я в это верю. Давай, выкладывай, дед (подмигнул ЕМУ). А потом – к нашему делу!

«ЛЕНИН»: Ее обнаружил в институте Ленина все тот же художник Анненков. Эти ленинские бумаги хранились там вместе с мозгом Ильича.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Мы все внимание.

«ЛЕНИН»: И я решился доложить ее вам, чтобы немного поубавить ваше сегодняшнее торжество (расхаживает с ружьем под мышкой). В день победы Октября взял я курс на мировую революцию. Но уже вскоре понял: сейчас не выйдет. И мне пришлось провозгласить: построение социализма возможно в России. Но я знал: это невозможно! Страна наша – крестьянская, и пролетариат тут в меньшинстве... И в конце концов мы власть потеряем. Через сколько-то лет обязательно потеряем. Мой мозг иссыхал от горя. Но я придумал! Так родилось мое Завещание, которое случайно увидел этот жалкий художник. Великое прозрение, обращенное к партии – как обмануть «глухонемых».

ОН: Кого?

«ЛЕНИН»: Глухонемых. Так я назвал в нем европейских капиталистов. И так, тактический план, изложенный в моем завещании. Первое. В погоне за прибылью капиталисты всего мира захотят завоевать русский рынок. Ослепленные жаждой архинаживы, они превратятся в кого? В глухонемых! (смеется ленинским смехом).

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (восхищенно): Ну дед, ну Ильич!

«ЛЕНИН»: И тогда у них мы получим продукты, на их деньги создадим свою армию. Для чего? Для будущей победоносной атаки против наших же кредиторов. Но для этого их следует успокоить, чтобы? Превратить в глухонемых. И в завещании я набросал план тактики: фиктивное отделение правительства от партии. Глухонемые поверят, но не до конца. Восстановление отношений со всеми странами, объявив принцип невмешательства. Глухонемые снова поверят, но опять не до конца. И далее – шла секретнейшая часть ленинского плана.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (хохоча): Ну? Ну?

«ЛЕНИН» (шепотом): Самым верным партийцам было предложено совершить великую жертву во имя будущей победы. Троцкий – идеолог мировой революции, главное пугало для глухонемых, согласился быть исключенным из партии и высланным за границу. В придачу к нему Зиновьева и Бухарина и прочих фанатичных революционеров, ненавидимых глухонемыми, должны были лишиться постов и будто бы осудить. А на самом деле? Отправить в секретное место, где они готовили бы мировую революцию. К власти же приходит неизвестный глухонемым – Сталин. Он должен был раскрыть объятия для дружбы с глухонемыми. Объятия, в которых должен быть задушен мировой капитализм... Но уже перед смертью... Ильич... все понял про Сталина: вот почему умолял передвинуть его на другой пост, не доверять ему исполнение плана. Но в ничтожной борьбе друг с другом ученики мои сохранили Сталина. И что же – Сталин всех обманул: будто исполняя мой план, он попросту их уничтожил. Жалкий восточный человек не хотел мировой революции: ему нужна была власть... Но вот теперь, через 70 лет – свершилось. Скажу архиискренне, прежде считал Горбачева Иудой, изменником делу пролетариата. И только в эти дни я его понял: он – новый Ленин.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Иди на фиг! Сергеич – Ильич?

«ЛЕНИН»: (шепотом) В ядре нашей партии признали: наши люди разуверились в ленинизме, страна истощена – гибнет пролетарское дело. И тогда Горбачев собрал посвященных и рассказал им новый план Первое – воскресить архивеликую ленинскую идею. То есть? Обмануть глухонемых... Чтобы потом, батенька – исполнить, наконец, мою, то есть ленинскую мечту – свершить всемирную революцию. Чтоб «от Японии до Англии сияла Родина моя»... Вот для чего была объявлена Перестройка (хохочет ленинским смехом).

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Ильич! Чистый Ильич!

«ЛЕНИН»: Но Запад нам не поверил до конца. Аплодировали, перестройке но мало дали денег для нашего возрождения. То есть? (хохочет) Да, да – для грядущей своей погибели! И тогда Горби приказал самым верным членам партии пожертвовать собою и объявить путч. Чтобы? Чтобы потерпеть поражение, батенька! Но зато теперь глухонемые уж точно поверят в нашу перестройку – в нашу капитуляцию (хохочет). И шаг за шагом разоружатся. И при этом? Шаг за шагом воссоздадут нашу мощь. В моем конце – мое начало!.. И вот тогда-то мы, наконец-то их задушим! И победит моя бессмертная мечта – мировая революция: «Только советская нация будет, только советской нации люди» (хохочет ленинским смехом). А какой успех нас ждет *теперь* внутреннем фронте. Не поняли? Расцветет ваш русский капитализм! Вы представляете, что у нас начнется, батенька? Все предсказал любимый поэт Ильича... Слово Некрасову-поэту-гражданину. «Я заснул, мне снились планы о походах на карманы благодушных россиян». Это – только начало... А вот какой будет расцвет: «Грош для новейших господ выше стыда и закона, Ныне тоскует лишь тот – кто не украл миллиона». И тогда-то оживут

все наши прежние идеи социальной справедливости. И даже брежневский застой покажется народу раем. Такой секретный план придумал великий Сергеич-Ильич.

ОН: Bravo! Но особенно нам понравилась ваша мысль о «самопожертвовании партии». И, коли вы слышали наш разговор за дверью...

«ЛЕНИН»: А как же! Слышал, слышал. Из года в год тренирую ухо.

ОН: Значит должны оценить мое предложение. Ваше усыпление очень поможет захиревшим ленинским идеям.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Ну совершенно точно, дед! Будут тебя возить по странам, будешь возлежать в ленинском облике в гробу, а вокруг будут продаваться книжки Ильича. Такое большевистское ООО создадим – миллиарды – в кассу партии. Вижу по глазам – оценил! Соглашайся, дед!

ОН: Великая пропаганда ленинских идей, дорогой Ильич! Смертью смерть поправ!

«ЛЕНИН»: А я и не спорю – заманчивое дело. Но к сожалению, – слишком поздно...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Не понял, что поздно? Горбичу, значит, не поздно жертвовать партией, а тебе, видите ли поздно?

«ЛЕНИН»: (будто не слышал) Ах, как поздно, батеньки! Потому что никак нельзя вам это дело осуществить.

ОН: Но почему?!

«ЛЕНИН»: Руки у вас нечистые, капиталистические щупальцы. Потому, молодые люди, нельзя мне вас отсюда выпустить. Вы враги, узнавшие важнейшую партийную тайну. Так что теперь (вздыхнул) твоя очередь – чеховское ружье! (поднял ружье).

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Да ты что, папаша? Ты приди в себя!

Ленин молча взвел курок.

«ЛЕНИН»: За то что посмели замыслить кощунство над телом Вождя. За то что хотите покуситься на мой Мавзолей...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Ах ты, сукин сын!

Рывком выхватывает револьвер, но в тот же миг раздается выстрел «Ленина».

Молодой Человек падает.

ОН: Боже мой!

«ЛЕНИН»: Революционный суд – на фоне меня, читающего газету «Правда», в присутствии портретов уважаемых товарищей из Политбюро – свершился!

Вновь поднимает ружье и наставляет на Него.

ОН: Но Владимир Ильич? Ну зачем же так? Ну давайте по-хорошему? Я подписку дам о неразглашении? Обойдемся без крайностей!

«ЛЕНИН» (целясь): Главная беда наших интеллигентов-хлюпиков – в вечном желании искать гнилой компромисс с буржуазией. Никаких компромиссов, батенька.

Стреляет. Он падает.

«ЛЕНИН»: Второй зайчонок! Мавзолей отстояли. (Аккуратно ставит ружье. Встает на стул, с поднятой рукой, устремленной в зал – как на скульптурах Вождя). Товарищи! Да здравствует новая эра в истории мировой революции! На повестке дня: – новое подполье и новая «Искра»!

Раздается выстрел. Это Молодой Человек, все-таки сумел выстрелить. «Ленин» падает.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Попал, паскуда! (Затихает).

«ЛЕНИН» (лежа на полу, задумчиво): Все мертвы... Таков финал «Гамлета»... Я хорошо играл Тень Отца... (Умирает).

Прошло полгода.

То же помещение, Сейчас здесь всюду идет ремонт, разрушены стены – помещение подвала стало огромным.

На стенах написанные краской портреты Ленина.

Появляется Она и щеголеватый молодой человек с косичкой. Это – Артур, он в шелковой рубашке, в мягком, свободном костюме. Говорит по-русски уже с легким акцентом.

ОНА. Знаешь, Артурка, чьи это портреты?

АРТУР. Это нам до смерти не забыть: дорогой Владимир Ильич!

ОНА. Нет, Артур, это папины портреты. С папиных фотографий. Папа-Ленин!

АРТУР. Такого человека погубили! Что с ним можно было сделать! Какие были планы!

Двое рабочих вносят огромную вывеску и ставят ее к стене.

АРТУР. Нет. Лицом к стене ставить нельзя – плохая примета.

Рабочие разворачивают вывеску, высоко ее поднимают. На вывеске портрет Ленина и надпись:

«В ГОСТЯХ У ЛЕНИНА». НОЧНОЙ БАР.

Работает с 12 ночи до 12 утра».

Стрип-шоу «Аленький цветочек».

Совместное американо-советское предприятие «Артур и Инесса».

АРТУР. Есть идея: при открытии и закрытии бара мы будем включать. Прошу, господа!

Включают магнитофон. И откуда-то сверху раздается голос Ильича:

«Революция, о необходимости которой говорили большевики свершилась...»

ГОЛОС (все повторяет и повторяет): «Революция, о необходимости которой говорили большевики свершилась...»

«Революция, о необходимости которой говорили большевики свершилась...»

«Революция, о необходимости которой говорили большевики свершилась... Свершилась... Свершилась... Свершилась!»

КОНЕЦ

1992 год.

Эту пьесу, законченную в декабре 1992 года (первая редакция) я написал для Евгения Леонова. Но так и не успел ему ее показать – он умер в январе 1994 года...

Палач

Взгляд на историю с гильотины

Тускло, призрачно освещается квартира Режиссера М.
В костюме Пьеро и Коломбины недвижно сидят Режиссер М. и его жена.
В углу комнаты за старинным клавесином также недвижно, уронив голову на клавиши, сидит Человек в парике.

ГОЛОС РЕЖИССЕРА М. Я знал, что это Моцарт... Я столько раз хотел поставить пушкинского Моцарта. И нетерпеливо дождался, когда он поднимет голову от клавиш, начнет играть. Он поднял голову. Но вместо Моцарта...

ЧЕЛОВЕК ЗА КЛАВЕСИНОМ (лихо стягивает с головы парик и хохочет). Разрешите представиться – палач Сансон!

ГОЛОС РЕЖИССЕРА М. Это снится...

САНСОН. Не имеет значения. Если каждую ночь вы будете видеть сон – продолжение сна предыдущей ночи, – отличите ли вы дневную реальность от сновидения?

КОЛОМБИНА. Телефон перестал звонить... Мы заживо похоронены.

ГОЛОС РЕЖИССЕРА М. Мы живы. Похоронена Революция. А как все начиналось! Троцкий – герой-любовник Революции. В черном фраке в Смольном объявляет о взятии Зимнего... Восторг, овации! А потом – ночь победителей. Он и Ильич постелили газеты прямо на полу, легли спать... В ту ночь в комнатах Смольного спали на стульях остальные вожди Революции, нынешние преступники. Всех извел Усатый...

САНСОН. И про себя не забудь.

ГОЛОС РЕЖИССЕРА М. В обмотках красноармейца, в солдатской шинели стою на трибуне. Объявляю низложенным буржуазное Искусство! (Кричит.) «Да здравствует гражданская война в театре! Да здравствует Великий Октябрь Искусств! Даешь мировую Коммуну Искусств!..» И с красным знаменем в руках я шел с молодыми актерами захватывать буржуазный театр... Но Блок сказал уже в двадцатом: «Революция превратилась в грудную жабу». Я ругался, кричал на него, а он... Он никогда не спорил, просто молча слушал... (Кричит.) Но это закон: Революция перестает быть зеленоглазой любовницей, и вот уже она скучная жена. Морщинистая Айседора Дункан, танцевавшая Интернационал... тряся обвисшими грудями.

В окне появляется лицо Маляра.

МАЛЯР. Ни *...я ты не понял – она по-прежнему в цвету, горькая наша Революция. Я отца за нее расстрелял, крест с колокольни сбросил. Думал – сыта. Ан нет – еще требует! Дочь помещика... Мы ее усадьбу сожгли – она только смеялась. Эсерка знаменитая. «Семя, – говорит, – чтобы прорасти, должно истлеть... Россия старая истлеет и расцветет царством духа». Красавица была... Любить мне себя позволяла. Я сам попросился ее расстреливать, чтоб ей не так страшно было... Я ее спросил: «Горестно тебе будет умирать?» А она ответила: «Горестно не умирать. Горестно, что Термидор победил». – «Кто он такой, этот Термидор?» – спрашиваю. А она смеется. Ничего не ответила и пошла к стенке. Туфли сняла... Говорит: «Девушке своей передай... Хорошие туфли, дорогие...» (Режиссеру М.) Когда поведут расстреливать – не забудь охраннику сапоги подарить, хорошие у тебя сапоги, дорогие... Великая война грядет. Мир пролетарским станет. Язык общим станет. ГОЛОС РЕЖИССЕРА М. Матерным.

МАЛЯР. Пролетарским... Нет, пока кровушка вокруг течет, Революция продолжается! Вот только кто этот Термидор? Кто таков?

САНСОН. Это я, палач Сансон, который приходит позаботиться о вас – обо всех, кто участвовал... Убраться за Революцией приходит. (Смеется.)

Загорается свет в квартире Режиссера М.

РЕЖИССЕР М. Плохо спал. Не дает покоя пьеса, которую я придумал.

ЖЕНА. Какая пьеса? Телефон молчит – будто заживо похоронены. И эта странная люлька с маляром, которую вчера подвесили под нашими окнами.

РЕЖИССЕР М. Пьеса о палаче Сансоне. Он был палачом во времена Французской Революции и написал записки о своих казнях. Сегодня ночью я его видел.

ЖЕНА. Кого?

РЕЖИССЕР М. И как подходит эта пьеса для эстетики нового театра! Запиши... «Нынче, когда мир сорвался с петель, когда миллионнопалая рука войн и революций схватила человечество за горло, на всех театрах старой конструкции надо повесить замок. Кулисы, декорации – на помойку... Нужно строить театры со взбесившейся сценой... Сцена должна нестись на рельсах вдоль рядов зрительного зала. И, как бы сошедшая с ума от скоростей века, вырваться из зала прямо на улицу... Такая сцена станет телегой – мчащейся на гильотину телегой палача Сансона».

ЖЕНА. Какой палач? Какая, к шуту, сцена?! Мы гибнем! Напиши письмо Хозяину, умоляю! Я уверена: он хочет, чтоб ты ему написал... Он хочет заступиться... Ты единственный великий режиссер Революции... Все вокруг говорят: он тебя примет. Но ты упрямо не желаешь...

РЕЖИССЕР М. Приговоренный к смерти после ухода из камеры Великого Инквизитора... находит ключ от камеры. Видно, Инквизитор в раже пытки его обронил. Приговоренный открывает дверь камеры, и начинается его путь по подземелью на волю. С невероятными приключениями доходит до выхода... Он уже чувствует воздух воли, напоенный запахом цветов, когда попадает в объятия великого Инквизитора! И понимает: это была всего лишь последняя пытка – пытка надеждой. Так и Усатый – он оставляет нам эти последние часы для испытания надеждой... Кстати, маляр мне тоже приснился... Старый театр. Звук сорвавшейся бадьи. Туман над озером. Чайка... А тут кровавая телега, но... Но если когда-нибудь будут ставить эту пьесу о палаче – никаких сантиментов. Перед началом пусть соберут актеров и скажут: «Эврипид и Фриних, соревнуясь, написали пьесу, изображавшую гибель какого-то греческого города. Пьеса Фриниха была так скорбна, что зритель не мог удержаться от стенаний и слез. И тогда греки изгнали его из города. Ибо его искусство было не очищением, а эксплуатацией сострадания зрителей. Комедия – лучший рассказ о человеческом ужасе...» Чехов был очень веселый... Забавно слышать о нем, что он «такой печальный». Он все время хохотал! С ним невозможно было разговаривать... (Хохочет.) Комедия о Палаче... Человек особенно смешон перед гибелью. Ты знаешь, я рад, что написал эту пьесу... Мне будет, что представить в камере... и, главное, – с кем беседовать... Беседы с палачом. (Смеется.) Итак.

Действие первое – Канун Галантной Революции

В центре сцены следует установить королевскую карету: все персонажи в этом действии выходят из нее. И вокруг кареты идет бал... которым и была тогда жизнь. «Кто не жил в восемнадцатом веке, тот вообще не жил». Бал... Но никакой массовки. Лишь в зеркалах – игра свечей, горящих в гигантских канделябрах. Отражаются, дwoятся кружева, воланы, ленты, мерцают бриллиантовые пуговицы, фалды расшитых камзолов, обнаженные плечи... Поток драгоценностей слепит в зеркальной стене... Но во втором действии бальная зала окажется (смеется) эшафотом... Выходит, они танцевали, занимались любовью на гильотине. А пока – бал. Однако одна из стен бальной залы уже увешана мечами. И на фоне мечей появляется он – палач Шарль Сансон. Он поднимает гусяное перо и пишет – прямо по воздуху.

САНСОН. Замогильные записки... Меня уже не будет, но из-под земли я буду говорить в них с вами. У меня в доме есть секретная комната – сердце нашего дома. Здесь висят родовые мечи. Должность палачей – наследственная, передается от отца к сыну. Когда-то мои предки, благородные дворяне, участвовали в крестовых походах. Мой прапрадед – Шарль Сансон де Лонгеваль. Меня называли в его честь – Шарль был великий воин, но великий мот. Он впал в большую бедность. И хитрецу пришла в голову идея. Палачам всегда прекрасно платили, но должность эта – наследственная, передавалась от отца к сыну. Шарль узнал, что старик-палач в Реймсе не имеет сына. Ха-ха! Зато имеет дочку-толстуху – рукой не охватить. Но зачем охватывать одной рукой, если у вас их две? И сукин сын обхватил – женился. А после смерти ее папаши стал палачом Сансоном Первым... Силен был, как бык – о его ударах мечом гремела слава! Его переманила столица. Мой дед – Сансон Второй – уже палач города Парижа... Он умер внезапно, когда сыну исполнилось семь... Но если умирает отец, палачом становится сын, неважно, сколько ему лет. И бабушка сказала мальчику: «Теперь тебе нужно *туда*. Таков закон». И отец – маленькая кукла, наряженная в костюм палача, – стоял на эшафоте. Ибо без присутствия палача казнь считается незаконной – попросту убийством... И, хотя во время его малолетства головы рубил другой, ужас вошел в маленькое сердце. В молодые годы его разбил паралич. Так пришел мой черед встать на эшафоте... С детства я привык видеть ужас и отвращение на лицах людей. Но я, Сансон Четвертый, презирал их. Я стал первым Сансоном, который гордился своим делом... Я с детства приходил в эту нашу комнатку гладить клинки мечей... Я говорил себе: «Эти негодяи смеют нас презирать... За что? Разве мы придумали законы, наказывающие смертью? Их придумали они – проклятое человечество». За пару последних столетий кого мы только не убивали – к восторгу тысячных толп! Еврея – потому что он не христианин, христианина – потому что он протестант, католика – потому что стал атеистом... Нам приказывали – и мы убивали! Но людям мало убить, им надо всласть помучить *во время* казни. Смерть на кресте – древнейшая из *мучительных* казней. Недаром Господь избрал её Сыну для искупления наших грехов... Но и это еще не худший вид смерти. Придумали сдирать кожу живьем, варить в кипятке, сажать на кол... И венец мучительных наказаний – четвертование. Мне никогда не забыть, как отец четвертовал несчастного Дамьена, покушавшегося на короля... Как Дамьен с невыразимой грустью смотрел на свои руки и ноги, раздавленные во время пытки... После чего его привязали к четверке лошадей, и кони, рванувшись в четыре стороны, разорвали его... Когда несчастный умер, он оказался совсем седым. Но седым стал и мой отец. О, изобретательное проклятое человечество!

С юности я знаю: единственно гуманные люди на этом свете – мы, палачи. Ибо мы, как могли, ограничивали жестокость наказания. Мы даже придумали милосердную хитрость: при

сожжении несчастных на костре багор с острым концом для перемешивания соломы мы ставили точно против сердца осужденного и следили, чтобы при разжигании костра багор падал и убивал приговоренного до начала огненных мук... Так прадед поступил с Жанной Д'Арк... И это мы стараемся ободрить на эшафоте распоследнего злодея – перед тем, как занести над ним меч... Но и этого всего людям мало... Они позаботились, чтобы неравенство в жизни осталось и в смерти. Виселица предназначалась для простолюдинов, а дворян мы убиваем мечом. Как они великолепны, наши мечи! Как играет на них солнце! И на каждом вырезано одно слово: «Правосудие». (Целует мечи.)

Итак, в отличие от своих предков, я всегда выходил на улицу с высоко поднятой головой... Я знал: люди презирают нас, потому что боятся. Тотчас вспоминают то, о чем стараются забыть, – о смерти. Ибо от нас исходит ее истинный запах – тончайший аромат плачущей души, убегающей в вечность. Он навсегда – в нашей одежде, он впитывается в кожу. Работа у нас опасная. Отца разбил удар после того, как однажды он увидел некое облачко, вылетевшее из тела, – душу! К счастью, за все десятилетия на эшафоте я такого не видел. Ибо как исполнять людские законы после этого?

В конце века все мои многочисленные братья разъехались в разные города. Они рубили головы в Реймсе, Орлеане, Суассоне, Монпелье, Дижоне... И когда мы сходились у отцовского стола, слуга почтительно называл нас по местам службы – месье де Реймс, месье де Орлеан... Смешно, но эти домашние прозвища вскоре стали официальными. Так я стал именоваться месье де Пари... Братья уже тогда обзавелись женами – дочерьми провинциальных палачей. Но я не спешил жениться. Ибо мне не нужна была женщина. Мне нужны были женщины, очень много женщин.

Как сладостны они все! Маленькую, костлявую я видел газелью. Чернявую, сухопарую – страстной брюнеткой. Толстые губы были для меня «зовущими к поцелую», и заплывшая жиром плоть грезилась мне воплощением томной неги... Однако узнав о моих занятиях, женщины в ужасе убегали. Со мной не хотели спать даже шлюхи. И, конечно, я нашел выход. Каждый вечер, переодевшись в дорогое платье, я покидал наш дом. Взяв экипаж, отправлялся в Пале Рояль, где разгуливали царицы света и полусвета... Здесь я был шевалье де Лонгеваль – это наше родовое имя. Что ж, должность палача не лишала нас дворянства. В голубом роскошном камзоле, приклеив восхитительную бородку «а ля Ришелье», я отправлялся на поиски приключений. Ухаживая за дамами, я мог себе позволить быть очень щедрым. Король отлично платил мне за услуги. Я получал шестнадцать тысяч ливров в месяц, плюс надбавка за каждую отрубленную голову. Если даже вычесть деньги, которые я платил пыточнику (когда казнь сопровождалась пытками) и плотнику (который следил за сооружением эшафота), оставалась кругленькая сумма... Именно тогда и произошло необыкновенное знакомство.

Мало кто посещал наш дом... Да что там «посещал»! Люди мыли руки, если случайно здоровались со мной. Аббат Гомар – один из немногих, кто решался приходить к нам.

Появляется аббат Гомар. В грубой рясе францисканского монаха, перепоясанной веревкой.

САНСОН. Этот францисканский монах стоял на эшафоте вместе со мною. Я отправлял ко Всевышнему, он напутствовал к встрече с Ним. Но однажды за столом после хорошей рюмки хорошего вина...

ГОМАР. Ах, друг мой! Каждый раз, молясь за преступника, я думаю о грехах в своей семье...

САНСОН. Вы позволите налить?...

ГОМАР. Не стесняйтесь. Вино создает общество, хорошее настроение. Мне это нынче необходимо. Моя племянница – Жанна де Вобернье, существо восхитительное, но... совершенно погрязшее в пороке...

САНСОН. Я был – весь внимание...

ГОМАР. Не забывайте наливать... Самое грустное, мой мальчик: она родилась в той же деревушке, что Жанна Д'Арк. Она даже названа в честь Орлеанской *девственницы*... Но вместо добродетелей героической Жанны... (Горестно.) Не забывайте наливать...

САНСОН. Крепитесь, святой отец.

ГОМАР. Мою Жанну сгубила красота. Жаворонка заманивают в клетку блеском зеркала... Грязная сводня заманила мою пташечку блеском легкой жизни. И нынче семена порока дали пышные всходы!

САНСОН. Порок меня не пугал, всходы обнадежили. Я выведал у аббата, где живет красавица, и, объяснив себе, что просто обязан вернуть красотку на стезю добродетели... стал караулить у ее дома...

Появляется Жанна со служанкой.

САНСОН. Боже... Лазоревые глазки, коралловые губки! Роскошная копна белокурых волос!.. А кожа!.. А грудь! Венера! Венера!..

РЕЖИССЕР М. Эти жалкие слова нужно кричать. Эта страсть – на разрыв аорты! Как Бомарше кричал любовнице: «Я хочу слиться с тобой, сука! Я хочу сожрать тебя живьем, тварь! Я хочу мою кровь – в твою!»

ЖАННА (резко обернувшись). Вы шпионите за мной, сударь? Кто вы?

САНСОН. Жертва, сраженная вашей красотой. (Кланяется.) Шевалье де Лонгеваль, молящий о счастье быть принятым вами.

ЖАННА (внимательно оглядев его). Пожалуй, вам можно будет зайти ко мне. Однако есть «но»...

САНСОН. Скажите! И, клянусь, преодолею!

ЖАННА (насмешливо). Преодолеть шевалье сможет только в случае, если он *очень и очень* состоятельный...

Комната Жанны – как картина Фрагонара. Жанна сидит в кресле. На лесенке над нею нависает парикмахер – сочиняет модную прическу, гигантское многоярусное сооружение из волос, увенчанное Амуром со стрелой. За всем этим наблюдает немолодой господин в золотом камзоле. Бросается в глаза его крупный хищный нос.

Входит Сансон.

ЖАННА (представляет). Шевалье де Лонгеваль. Шевалье де Сенгаль.

Оба в поклоне церемонно метут шляпами пол.

ЖАННА (шевалье де Сенгалю). Ну, начинайте наставления, несносный. И, надеюсь, вы при деньгах. Все так подорожало: прическа стоит, как маленькое поместье, ужас! Я готова сделать перерыв. (Вскакивает с кресла и ловко задирает юбки.)

ДЕ СЕНГАЛЬ. Нет-нет, сударыня! Мы получили друг от друга все, что могли дать. Вы слишком хороши, чтобы я имел право наслаждаться вами столь долго. Мы расстаемся, я покидаю Париж. Но на прощанье, милая Жанна, позвольте дать несколько советов, которые ценнее денег.

ЖАННА. Стал старый и жадный...

Усаживается на прежнее место – в кресло. Парикмахер продолжает трудиться.

ДЕ СЕНГАЛЬ. Первое: прекрасная плоть – это капитал. А всякий капитал требует, чтоб его пустили в рост. Любовь – как война, она должна сама себя содержать. Я хочу на проща-

ные сделать вам подарок. Завтра вы, обнаженная, ляжете на розовое канапе. Вас нарисует при-
сланный мной живописец. Моя задача – передать этот портрет королю. Ваша – впоследствии
расплатиться со мной... И торопитесь: многое говорит о том, что в этой спесивой стране что-
то вскоре произойдет. Народ – это сборище палачей. (Сансон вздрагивает.) Дайте простолю-
дину шесть франков, велите кричать: «Да здравствует король!» – и он радостно доставит вам
это удовольствие. Назначьте семь, прикажите кричать: «Смерть королю!» – и он заорет с еще
большей радостью. У народа нет принципов и веры. Его боги – хлеб, вино и безделье. Безна-
казанность он считает свободой, аристократию – злым хищником, а наглых демагогов – пас-
тырями, нежно любящими свое стадо. Ваш монарх уже сказал: «После меня – хоть потоп».
Так что второй мой совет: заработав деньги, спешите покинуть эту опасную страну грядущего
потопа!.. (Наклонившись, шепотом.) Судя по крепким бедрам, линиям рта и подбородку, этого
шевалье стоит пустить в дело. Но, насладившись, поскорее оставьте эту опасную страну. Совет
мудреца! (Склонившись в поклоне, вновь подметает шляпой пол и удаляется.)

ЖАННА (разочарованно). Ушел, скупердяй! (Сансону.) Что скажете вы?

САНСОН (тотчас бросается на колени). Я пришел заклинать вас вернуться на стезю доб-
родетели!

ЖАННА. Хотите вернуть меня на стезю... сейчас?

Сансон кладет деньги.

ЖАННА (парикмахеру). Оставьте же нас... и поскорее.

САНСОН. Что было потом... рассказ об этом я унесу с собой в могилу.

Прошло три дня. Вновь над Жанной колдует парикмахер.

ЖАННА. Сегодня мы прощаемся, мой милый...

САНСОН. Не бросайте меня! Я принес вам много денег.

ЖАННА. Это много для вас, увы, не для меня... Я мотовка, мой друг. Я несколько раз
бежала из Парижа от кредиторов. Но они меня всегда легко находили... Знаете, как? Узна-
вали, где тратится наибольшее количество денег. (Хохочет.) Так что доверимся мудрым словам
шевалье де Сенгалья. Мы уже насладились друг другом – стоит ли повторять пройденное?

САНСОН. Я был влюблен и высказал эту жалкую мольбу всех влюбленных: «Не прого-
няйте меня, я могу вам еще пригодиться!».

ЖАННА (смеется). Глупец, я родилась в той самой деревушке, где родилась другая
Жанна. И верю: меня ждет великая судьба!

САНСОН. Она оказалась права. Шевалье де Сенгаль... впрочем, никакой он был не
шевалье – венецианский проходимец по имени Казанова... Но рассчитал он правильно: голая
красавица тотчас покорила стареющего короля. И стала знаменитой фавориткой – графиней
Дюбарри. А Франция весело запела: «Ах, плутовка, старого развратника соблазнила ловко...»
Так что она не ошиблась... Но я тоже не ошибся! Я очень пригодился ей – правда, через два-
дцать лет...

Сансон залезает в карету. Он глядит из окна кареты в исчезнувший век.

Он вспоминает тот галантный Париж.

САНСОН. Париж тогда был сладостной блудницей. Гостиные представляли собой поле
брани, где шло непрерывное сражение. Все мужчины сражались за то, чтобы соблазнить жен-
щин, все женщины – за то, чтобы побыстрее быть соблазненными...

РЕЖИССЕР М. Галантная музыка! Тот маскарад!..

САНСОН. Это случилось после смерти старого короля. «Король умер! Да здравствует
король!». Людовик Шестнадцатый только что вступил на престол. В ту ночь я придумал отпра-

виться на маскарад в Опера... Знакомое чувство: на эшафоте я прячу свое лицо под маской и то же делаю на маскараде. (Надевает маску и выпрыгивает из кареты.) Мой камзол, моя фигура всегда привлекали внимание дам. Впрочем, с дамами надо здесь поосторожнее – под маской прячутся старухи и девицы, царицы света и полусвета... В тот вечер я увидел изящное домино, сопровождаемое несколькими кавалерами...

Неизвестная в домино весело смеется.

САНСОН. Никогда не видел столь грациозного тела.

Смело направляется к маске, но кавалеры тотчас преграждают ему путь.
Он пытается их обойти. Однако они, как стена.

ПЕРВЫЙ КАВАЛЕР. Коли вам не надоела жизнь, сударь, никогда не приближайтесь к этой даме.

Домино в танце, смеясь, исчезает в толпе.
К Сансону тотчас подходит Маска.

МАСКА (хохочет). Кто вы, наивный провинциал?

САНСОН. К вашим услугам – шевалье де Лонгеваль.

МАСКА. Вы хоть сейчас поняли, кто была эта дама в домино?

САНСОН (наконец, понимая). Боже мой!..

МАСКА (хохочет). Да, Мария-Антуанетта – королева Франции... Вас могли заколоть, дружок.

САНСОН. Так я встретил еще одну даму, к которой мне все же придется приблизиться... правда, тоже через двадцать лет.

МАСКА. Однако маски прочь, сударь... (Снимает свою и его.) Что ж, стать не обманула – шевалье и вправду хорош...

САНСОН. Это была герцогиня де Грамон. О похождениях этой прелестницы говорил тогда весь Париж. И я начал решительную атаку...

ГЕРЦОГИНЯ (отталкивая). Как же вы неопытны... Запомните: никогда *не* торопитесь в приют Наслаждения... ибо пропустите восхитительную станцию в стране Изнурительной Нежности... Приходите завтра ко мне. И мы начнем ваше образование.

САНСОН. Но... вы замужем?

ГЕРЦОГИНЯ. Боже мой, вы солгали... Вы не шевалье? Не может дворянин думать о таких глупостях... Вы, скорее, сойдете за великолепно сложенного кучера. Впрочем... это только возбуждает... И запомните: мой муж – благороднейший человек. Однажды – я была тогда совсем юна – я бежала от него с маркизом де С. Но мой умница муж послал за нами свою лучшую карету. Нет-нет, не для того, чтобы нас настигнуть, избави Бог! Просто мысль о том, что жена герцога де Грамон путешествует в жалкой наемной карете, была для него нестерпима... Это вряд ли понятно людям вашего сословия.

САНСОН. Клянусь честью, сударыня, я дворянин!

ГЕРЦОГИНЯ. Ну, хорошо, хорошо... Я жду вас завтра в нашем дворце за утренним туалетом.

САНСОН. Сколько прелестных обычаев уничтожила революция... Например, «l'avaïs» – утренний туалет знатных дам, во время которого они принимали поклонников. Она приняла меня в ванной, лежа под простыней. Что может быть притягательней обнаженного женского тела, прикрытого жалким куском материи?

Во дворце Герцогини. Герцогиня, Сансон и камеристка Китти.

ГЕРЦОГИНЯ. Милочка Китти, оставь нас. (Камеристка уходит.) Итак, раскройте ваши желания – в пределах путешествия в страну Нежности.

САНСОН. Я мечтаю, сударыня, о дозволении откинуть на мгновение ненавистную простыню.

ГЕРЦОГИНЯ. Но вы помните – на мгновение. (Приподнимает простыню.) Вы получили представление о прелестях, которые вам сулит будущее?

КИТТИ (входя). Пришел маркиз де С.

ГЕРЦОГИНЯ. Как же вам повезло! Увидеть маркиза де С.! Маркиз – мой первый и поныне главный любовник. Великолепный наставник. Похитив, он поселил меня в своем «Петит мезон» вместе с двумя проститутками. И научил истинным премудростям любви... К сожалению, бедный маркиз сейчас сидит в Бастилии. Но за большие деньги его привозят ко мне раз в месяц. Так что ждать он не может... А вы... приходите завтра.

Входит маркиз де С.

ГЕРЦОГИНЯ. Дорогой друг, оцените мое новое приобретение... (Представляет мужчину.) Шевалье де Лонгеваль – маркиз де С.

Маркиз и Сансон в церемонном поклоне усердно метут шляпами пол.

ГЕРЦОГИНЯ. Я обнаружила это неотесанное бревно на маскараде.

МАРКИЗ ДЕ С. (разглядывая Сансона). Ну, что сказать, дорогая? Он явно обещает быть усердным в нашем любимом деле. Но есть качество, уничтожающее все его достоинства. Вижу по глазам: он ревнив.

ГЕРЦОГИНЯ (в ужасе). Шевалье ревнив?!

МАРКИЗ ДЕ С. (Сансону). И прежде, чем наша повелительница позволит вам разделить со мной ее драгоценнейшее тело, вы обязаны раз и навсегда усвоить истину, без которой...

ГЕРЦОГИНЯ и МАРКИЗ ДЕ С. (вместе). Не может быть истинной любви!

МАРКИЗ ДЕ С. Итак, ревность – есть всего лишь... всего лишь доказательство глупой относительности человеческих понятий. (С видом ученого.) Есть племена, где вам предложат жену, как обычную чашечку кофе. Там это входит в понятие гостеприимства... За то же самое в европейских странах женщину презирают, а в какой-нибудь Персии вообще убьют... Ужас!

ГЕРЦОГИНЯ. О! Чувствую, нас с ждет великолепный монолог!

МАРКИЗ ДЕ С. К счастью, в Париже нет персов, и даже напротив. Пример тому – муж герцогини. Истина номер один: обманутый муж не смешон. Смешон муж ревнивый. Да, герцогиня для меня – дороже жизни... Но я не буду возражать, если по сладострастию или просто по любопытству она отдастся вам. Я назову это милой прихотью... Однако вы, с вашими простонародными предрассудками...

САНСОН (угрожающе). Меня зовут шевалье де Лонгеваль, сударь!

МАРКИЗ ДЕ С. Мой друг! Назовитесь хоть королем Франции, вас выдадут ваши красные натруженные руки... (Герцогине.) Но, вместе с тем, в нем есть что-то притягивающее. Нет, это очень интересный господин... Этот псевдошевалье пахнет Истиной...

ГЕРЦОГИНЯ. Говорите... говорите! Но и... приступайте к делу!

МАРКИЗ ДЕ С. (раздевая герцогиню). Мне было тринадцать, когда я открыл Истину. В тот день я изнасиловал нашу служанку... Она была невинна и богобоязненна. Именно тогда я понял: только в ужасе и боли рождается истинное наслаждение. В нас просыпается наша подлинная природа – природа зверя... Оркестр боли и страсти – этот хор постоянно звучит в природе. (С ученым видом.) Вот почему амебы при совокуплении поедают друг друга, и крабы во время случки выкусывают друг у друга куски. Вот почему даже при обычном поцелуе в нас пробуждается невинная жажда – укусить... (Герцогине.) Прошу! (Герцогиня целует маркиза.) Однако, мадам, вы преступно ошиблись. Вы наградили меня флорентийским поцелуем. А вы вас учил какому? Здесь должен быть...

ГЕРЦОГИНЯ. Венецианский!

МАРКИЗ ДЕ С. При котором следует...

ГЕРЦОГИНЯ. Умело ласкаться языками, не забывая сладостно пощипывая ушки любимого... (Трагически.) Как же я могла забыть! О, как вы хороши, мой учитель! Я взволнована! (Сансону.) Оставьте нас, шевалье! Быстрее! И, если сможете оценить мудрость маркиза, приходите завтра.

САНСОН. Это был мир Содома и Гоморры... Мой эшафот, залитый кровью, показался мне храмом невинности... Но я пришел вновь!

Во дворце. Герцогиня лежит в постели.

ГЕРЦОГИНЯ. Мои стихи: «Легкая муслиновая шаль на белых точеных плечах не скрывала грудь...» Вы видите, как вам доверяют... Хотя и ждут многого... Для начала сходите узнать, куда запропастилась моя камеристка. (Насмешливо.) Поищите негодницу, только хорошенько! (Сансон уходит.)

ГОЛОС САНСОНА. Кэти! Кэти!

ГЕРЦОГИНЯ (нежно). Какой глупец. (Закрывает глаза и лежит уже обнаженная на постели. Он возвращается.)

САНСОН. Сударыня, дом пуст, служанки нигде нет... Сударыня! И я... Так, по галантному обычаю, она позволила себе проспать самое интересное... проснувшись невинной...

ГЕРЦОГИНЯ. Ах, мой друг, сны бывают так пленительны, что, порой, жаль просыпаться. Я буду ждать продолжения сегодняшнего сна. А пока – ступайте!

САНСОН. В субботу она повезла меня в Версаль. Ночной Версаль... Там все дышало тогда сладостным безумием... Стонущие чудовища о двух головах таились в темноте ночи в баскетах парка... Бал под звездным небом в зале канделябров... Горят разноцветные свечи. И Мария-Антуанетта танцует в прическе с павлиньими перьями... Режим казался вечным, как египетская пирамида, и никогда не был так близок к гибели. (Сансон танцует с герцогиней.) «Мене, текел, фарес¹» – эти слова уже горели на стенах Версальского дворца... Все танцевавшие в тот вечер встретятся со мной на эшафоте.

ГЕРЦОГИНЯ. Ну, идемте же... ну, возьмите меня здесь... (Сансон хватает её.) Нет... Нет и еще раз нет! (Вырывается.) Это всего лишь очередная станция в стране Изнурительной Нежности.

Из кареты с трудом вылезает толстый Людовик Шестнадцатый.

Долго смотрит на танцующих и задумчиво говорит свое любимое: «М-да».

Танцы прекращаются.

КОРОЛЬ. М-да. (Залезает обратно в карету.)

Танцы возобновляются.

ГЕРЦОГИНЯ (поправляя платье). Меня тревожит наш король. Этот добродушный толстяк опасно выбивается из череды своих предков... Все Людовики были королями Любви. Людовик Четырнадцатый прибыл в армию в карете с двумя возлюбленными – и армия восторженно рукоплескала. Людовик Пятнадцатый превратил двор в гарем, и его гордый нос украшает потомство множества наших фрейлин. Как любят шутить у нас в Версале: «Бог простит, свет забудет, но нос останется». Французы разрешают своим королям всё, кроме одного – быть

¹ Мене, текел, фарес (взвешено, сочтено, разделено) – таинственные слова, по библейскому преданию, начертанные невидимой рукой на стене во время пира у вавилонского царя Валтасара, пророчившие ему гибель.

смешными... А наш Людовик посмел быть верен жене. Смешнее не бывает! Поверьте, мы на пороге Революции...

Из кареты вылезает герцог Орлеанский.

ГЕРЦОГИНЯ. А вот и главный революционер Франции. Младшая ветвь Бурбонов, а нос – как у старшей. Фирменный галльский нос, который можно успешно использовать в любовной дуэли, если откажет основное оружие...

САНСОН. Вы были с ним!

ГЕРЦОГИНЯ (хохочет). И с ним тоже!.. Мария-Антуанетта его ненавидит. Он не получил звания гранд-адмирала. Может после этого порядочный человек не мечтать о Революции?!

Появляется принц Лозен.

ГЕРЦОГИНЯ. А это его главный друг – наш первый Дон Жуан, наш красавец герцог Лозен. (Смеется.)

САНСОН (почти испуганно). И с ним – тоже?!

ГЕРЦОГИНЯ. И с ним. И с ним. И с ним... Не дворец, а какой-то бардак... Сейчас Лозен и герцог задумали наш первый революционный заговор – сделать рогатым бедного короля.

Из кареты появляется ножка Марии-Антуанетты.

ЛЮЗЕН. Ваше Величество, дозвоьте мне стать ступенькой для божественной ножки... (Падает у дверцы кареты.) Смелее, моя королева! (Королева ставит ножку на грудь Лозена.) Вы ступили на сердце Лозена. (Страстно целует ножку.)

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА. Ах!

Он тотчас вскакивает, и королева уже в его объятиях.

Он целует ее, и она возвращает поцелуй. Потом в ужасе отталкивает его, убегает.

Лозен и герцог уходят. Из кареты долго, с трудом, вылезает король.

Вновь появляется Мария-Антуанетта.

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА (нежно). Мой милый, я послала тебе счета.

КОРОЛЬ. М-да...

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА. Мадам Бертен сшила восхитительный народный туалет. И я придумала, где его надеть. В Трианоне построим прелестный маленький театр, и я сыграю в нем служанку Розину из пьесы Бомарше.

КОРОЛЬ. М-да.

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА. Только не ворчи... Правда, следует как-то освежить это платье. Я присмотрела великолепное кольцо... которое твой дед заказал для этой шлюхи Дюбарри...

КОРОЛЬ. Министр Мальзерб просил тебе передать: за парком твоего дворца начинаются деревни, где крестьянам нечего есть – у них нет даже хлеба.

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА (насмешливо). Если нет хлеба, пусть умный министр порекомендует им... есть пирожные!

КОРОЛЬ. М-да... Кроме того, наши богатые буржуа волнуются... Они требуют прав. И если они узнают о новых тратах...

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА. По-моему, им дали главное право – платить налоги. На то они и богатые. Объясните этим жадным идиотам, Ваше Величество: монархия – дело очень дорогое...

ГЕРЦОГИНЯ. Она прелестна. И сумела невероятное – разорить самую богатую в мире французскую казну. Нет-нет, у нас будет революция!.. На днях я возьму вас с собой в театр. Надеюсь, вы знаете кто такой Бомарше?

САНСОН. Бомарше – великий человек.

ГЕРЦОГИНЯ. Несомненно. Недаром он отправил на тот свет парочку своих старых жен... Сейчас он написал пьесу. Главный герой – слуга по имени Фигаро. Этот Фигаро... чем-то похож на вас. Послушайте, а вы не слуга?

САНСОН. Я шевалье де Лонгеваль.

ГЕРЦОГИНЯ... И этот Фигаро говорит там восхитительно-возмутительные вещи, которые почему-то хотят услышать все – королева, принцы крови... Сопrotивляется один глупый король. Он один понял то, чего не понимают наши умники...

Площадь перед театром. На площади – толпа.

САНСОН. Герцогиня повела меня на премьеру. Экипажи стояли вдоль Сены, и тысячная толпа заполняла площадь... Была порядочная давка, и лакей прокладывал нам дорогу... В толпе зеваяк я увидел забавную троицу. Я и прежде часто видел их вместе в Люксембургском саду... Они жили, видимо, поблизости – в Латинском квартале.

Появляются двое молодых людей и красотка-девушка.

Один из них нежно ее обнимает.

САНСОН. Девушка – невеста вот этого остроносого уродца. Его зовут, как я узнал потом, Камиль Демулен. С ними всегда гуляет этот малорослый молодой человек с узким лбом и поразительно упрямым подбородком. Он обожает голубые фраки, и у него привычка чрезмерно пудрить волосы. Так что когда он снимает шляпу, над ним поднимается белый нимб. Готов поклясться, малорослый тайно влюблен в девицу, но вряд ли позволил себе хоть что-то. Он из тех онанистов, которые умрут, но не отважатся объясниться с любимой женщиной. Его имя – Максимилиан Робеспьер... В тот день им не хватило билетов – «Одеон» был набит знатью...

Троица остается стоять в толпе.

Мимо них слуга проводит в театр герцогиню и Сансона.

Театр «Одеон». На сцене – Фигаро.

ФИГАРО. «Вы дали себе труд родиться, только и всего...» (Рев и овация зала.) «... С умом, и вдруг – продвигнуться? Да что вы, шутить что ли изволите, ваше сиятельство? Рабочая посредственность – вот кто всего добивается!» (Овация.) «... Все вокруг меня хапали, а честности требовали от меня одного!» (Все тот же рев восторга.)

САНСОН. И принцы крови, и главные подруги королевы – герцогиня де Ламбаль, герцогиня де Шиме, госпожа Полиньяк, моя герцогиня де Грамон и все прочие красавицы заходились в овациях...

ФИГАРО. «... За мной опустился подъемный мост тюремного замка, а затем, у входа в этот замок, меня оставили надежда и свобода. Как бы мне хотелось, чтобы когда-нибудь в моих руках очутился один из этих временщиков, которые так легко подписывают самые беспощадные приговоры...» (Овация.)

САНСОН. Кто мог тогда предположить, что очень скоро Фигаро погонит всю эту рукоплещущую, разряженную толпу ко мне на эшафот... Лишь один человек это знал.

Дворец герцогини де Грамон. Сансон и герцогиня де Грамон.

ГЕРЦОГИНЯ. Завтра вы сопровождаете меня к кардиналу де Рогану. Этот отменнейший болван очень красив! И, как бывает нынче с принцами церкви, не отстает от принцев крови... В его дворце мы продолжим ваше образование. Там есть несколько комнат, где выпуклые фигуры на стенах демонстрируют все виды наслаждений. И приглашенные дамы в лорнет изучают их... прежде чем разойтись по спальням для повторения картин... Так что не удивляйтесь, мой друг, если мне придется вас покинуть... вместе с хозяином. Надеюсь, вы уже не хотите задать надоевший вопрос?

САНСОН. Уже нет.

ГЕРЦОГИНЯ. Bravo! Наконец-то не вижу простонародного ужаса в ваших глазах. И еще: не удивляйтесь – за ужином мы все сидим... нагие. Но дамы из общества – в масках, а шлюхи – без. Это справедливо. Как говорит кардинал: «Дамы из общества обязаны сохранять элегантность в неприличии и чувство достоинства в разврате». Он все-таки у нас Высокопреосвященство и, следовательно, моралист...

Дворец кардинала де Рогана.

САНСОН. Но, к ее разочарованию, все было иначе.

ГЕРЦОГИНЯ. Какая скука! Оказалось, сегодня у кардинала собирается философский кружок, столь модный нынче в Париже. Несколько очень умных аристократов, несколько очень красивых и пугающе умных дам... Что делать, в наш век господства философов нам, красивым женщинам, приходится быть еще и умными... (вздыхнув) если мы хотим быть модными. Так что не удивляйтесь моим рассуждениям о Спинозе... Ибо приглашен Казот, наш философ, таинственный масон и блистательный рассказчик... (Застенчиво.) Излишне говорить, что и с ним...

Появляется толстенький улыбчивый человек – Казот.

САНСОН. Надо сказать, что вечер и вправду протекал крайне скучно... И этот Казот, вопреки рекомендации, никого не развлекал. Весь вечер он пребывал в каком-то тоскливом молчании.

ГЕРЦОГИНЯ. Мой дорогой Казот, я вас не узнаю!

КАЗОТ. Простите, герцогиня, некий сумрак овладел мной. Но я с наслаждением слушаю умные разговоры вокруг.

САНСОН... Разговоры были вольные. Кто-то под общий хохот смело цитировал стихи: «И кишками последнего попа сдавим шею последнего короля». Сыпались анекдоты о глупом короле... Особенно веселился Мальзерб – самый либеральный из министров...

МАЛЬЗЕРБ. Ах, друзья мои! Как бы я хотел быть сейчас молодым... Только вы, молодежь, увидите будущую революцию. Предсказанное нашими философами счастливое царство Разума. Нам, старикам, до этого не дожить...

КАЗОТ (вдруг поднимается и монотонно, без выражения, будто сомнамбула). Да нет, господа, вы все доживете до этой революции, о которой так мечтаете. (Все замолкают.) Но знаете ли вы, что произойдет с вами *после* революции? Это случится уже в царстве Разума. И вот во имя Разума, во имя Свободы и Равенства вы, господин Мальзерб... да и все, здесь сидящие... (долго молчит) отправитесь на эшафот... (Движение в зале. Казот будто разглядывает нечто.) Но какой странный эшафот вас встретит... На нем – удивительное сооружение... Топор, висящий между двумя балками...

МАЛЬЗЕРБ (пытаясь шутить). Вы хотите сказать, что нашу Францию после Революции завоюют могущественные варвары?

КАЗОТ. Нет-нет, сударь, варвары тут не при чем. Люди, которые отправят вас на смерть, будут такими же поклонниками философии, как и вы. Они будут произносить те же речи о Разуме и цитировать те же стихи Дидро... При этом убивать! Бессчетно убивать!

ГЕРЦОГИНЯ (пытаясь прервать испуганное молчание). Ах, мои милые мужчины... Вы все помешаны на политике! Насколько мы, дамы, счастливее вас. К политике мы непричастны, ни за что не отвечаем, таков наш пол. И потому...

КАЗОТ (резко прерывает). Ваш пол, сударыня, не сможет послужить вам защитой. И вас, герцогиня, постигнет та же участь – эшафот!

ГЕРЦОГИНЯ. Да послушайте, господин Казот, что вы такое проповедуете? Что же это будет? Конец света, что ли?

КАЗОТ. Этого я не знаю. Но знаю: вас, герцогиня, со связанными руками повезут на плаху. И вместе с герцогиней – вы, сударыня... и вы... и вы... (Тычет рукой в толпу.)

ГЕРЦОГИНЯ (всё пытаюсь обратить слова Казота в шутку). Не многовато ли нас, месье? Как же мы поместимся в одной карете?

КАЗОТ. Карета? (По-прежнему будто разглядывает невидимую картину.) Никакой кареты, сударыня! Тюремная телега везет вас на смерть... Впрочем, и более высокопоставленные дамы поедут на эшафот в такой же позорной повозке – с руками, связанными за спиной.

ГЕРЦОГИНЯ (иронически, но голос ее дрожит). Уж не принцессы ли крови?

КАЗОТ. Более высокопоставленные... Потому что в карете на казнь поедет только один.

ГЕРЦОГИНЯ. И кто же сей счастливый смертный?

КАЗОТ (хрипло). Король Франции.

Раздается общий ропот. Вмешивается Мальзерб.

МАЛЬЗЕРБ. Дорогой мой, вы слишком далеко зашли в этой мрачной шутке. Вы рискуете поставить в опасное положение наше общество и самого себя.

КАЗОТ (будто приходя в себя). Вы правы... Я хочу откланяться, господа.

ГЕРЦОГИНЯ. Нет, господин мрачный пророк, вы нам предсказали всякие ужасы. Что же умолчали о себе?

КАЗОТ. Я могу ответить только словами иудея Иосифа Флавия, описывающего осаду Иерусалима: «Горе Сиону! Горе и мне!» Я вижу себя на том же эшафоте, сударыня!

Казот учтиво кланяется и уходит.

САНСОН. По-моему, она была возбуждена... кровью. И все опять случилось. Это было время любовной гласности. Около ее дворца постелили солому, говорившую: «Сегодня ночью тут нужен особенный покой». Как положено, она пригласила подруг – навестить ее утром. И, глядя на темные круги вокруг глаз хозяйки, согласно правилам галантности, они обязаны были говорить восхищенно: «Как вы утомлены!»...

Но все произошло иначе.

Герцогиня и Сансон.

Она кладет ногу на маленький стульчик и слегка откидывается в кресле.

ГЕРЦОГИНЯ. Говорите же, мой друг. Я должна испытать ваше красноречие... *перед*...

САНСОН. Ваша крохотная ножка покоится на маленьком стульчике. И красота маленькой ступни обещает восхитительные колени...

ГЕРЦОГИНЯ. Банально, но сойдет. Разрешаю проверить ваши смелые предположения... Делитесь же впечатлениями, друг мой.

САНСОН. О, колени – последняя станция, где прощаются с дружбой. Здесь начинается любовь...

ГЕРЦОГИНЯ. Пошловато, но, судя по происхождению, которое вы упорно скрываете, это предел. Итак, вы удостоены галантного отличия – поцелуя... чуть выше колена. (Он прижимается губами.) Далее!

САНСОН. Строка поэта: «Белая шея чиста, как алебастр... Пышная грудь возбуждает желания... и жадно хотят припасть к ней уста».

ГЕРЦОГИНЯ. Я хорошо воспитана. Я готова обнажить грудь... для дружеского поцелуя... и заодно... (Он помогает ей снять великолепное платье.) Уверена, что одежду выдумал какой-то горбатый карлик, чтобы скрыть свое тело... (Декламирует.) «Бесстыдно белеет рубашка, украшенная серебром и кружевом... а внизу раскинулась холмистая долина Амура». Ну, помогите же несчастной избавиться от оплота добродетели... (В темноте.) Неплохо... совсем неплохо. Но кто вы? Кто вы, черт возьми? Я вас отчего-то боюсь... Когда рассказывали про эшафот... как хищно горели ваши глаза!

САНСОН. Вы действительно хотите узнать правду? Вы не боитесь её узнать?

ГЕРЦОГИНЯ. Даже если вы жалкий слуга, вы великий любовник.

САНСОН. Я... палач.

ГЕРЦОГИНЯ (после долгой паузы). Надеюсь, более я никогда вас не увижу.

САНСОН. Никогда не говори «никогда»... Вскоре оно подкралось – последнее десятилетие правления короля... И вот уже по прихоти королевы возведен дворец Трианон...

Трианон.

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА. Здесь я спасаюсь от грандиозности Версаля, от тысяч слуг, от неумолимости этикета. Здесь нет постоянной французской напыщенности, нет колоколов, но есть колокольчик. Здесь я могу принимать, кого хочу. Здесь наконец-то я получила право на свою частную жизнь...

КОРОЛЬ (вылезая из кареты). М-да...

САНСОН. Трианон окончательно подорвал наш бюджет, и даже мне задержали жалование. И я отправился в Версаль... Мне была назначена аудиенция.

Версаль. Король и лейб-медик. Входит Сансон.

КОРОЛЬ (стоит спиной к Сансону). Это тот человек?

ЛЕЙБ-МЕДИК. Именно так, Ваше Величество.

КОРОЛЬ (спиной). Передайте этому человеку – ему будет заплачено сполна.

САНСОН. И, рассматривая презирающую меня спину, я привычно отметил сильные мускулы шеи, выступавшие из-под кружевного воротника.

Король, вздрогнув, оборачивается.

КОРОЛЬ (лейб-медику). Он еще здесь?

ЛЕЙБ-МЕДИК (поспешно Сансону). Аудиенция закончена. Уходите, сударь!

САНСОН. Но я запомнил... шею!

Действие второе – Революция

САНСОН. Революция... Ее все ждали, все о ней говорили. Сколько просвещенных умов – потомков древнейших родов – считали хорошим тоном издеваться над королем, любить Вольтера и называть Бога выдумкой для дураков! Но, несмотря на все вольности в разговорах, никто не думал изменять присяге. О революции болтали с удовольствием, ибо всерьез... не верили в нее. И как все мгновенно свершилось! Июльским утром еще была королевская власть, но днем ко мне прибежал мой помощник Жако...

ЖАКО. Шарло, народ громит Бастилию!

САНСОН. Это была тюрьма для аристократии... довольно красивое здание с башнями. Мы с Жако прибежали на площадь, когда Бастилия была взята. Прямо напротив нее Бомарше построил свой дворец – с множеством окон по фасаду. У него, видно, был прием, во всех окнах стояли гости...

Победный рев толпы. Крики радости.

Появляется Камиль Демулен, окруженный толпой. Рядом с ним – человек, торжественно несущий пику с человеческой головой.

САНСОН. Жако! Но это...

ЖАКО (воодушевленно). Голова! К тому же, вашего знакомца – коменданта Бастилии. (Весело.) Кто это у нас так высоко забрался – поближе к небесам?! (Хохот толпы.)

ДЕМУЛЕН. Народ! Французы! Великая нация! Оковы пали! Мы победили! Свобода, равенство и братство! И одно царство – Разума.

Восторженный рев толпы.

САНСОН. Я бывал в Бастилии. Там сидели шестеро заключенных. Одного из них я должен был казнить, но он оказался сумасшедшим. Второй свое отсидел, но выходить отказался... Я буду часто вспоминать пустую Бастилию, проходя по переполненным революционным тюрьмам. Но тогда этот огромный замок в считанные дни разобрали по камешку на сувениры. И на месте Бастилии открыли кафе...

Бал не прекращается. Только теперь танцуют простолюдинки вместе с великосветскими красавицами. Выносят столики кафе.

Сансон садится за столик.

САНСОН. Какое счастье – казни прекратились! Город задыхается от свободы и радости! Бульвары полны красавиц-простолюдинок.

Входит Казот. Садится за соседний столик.

САНСОН. Здравствуйте, месье Казот. Вы меня, конечно, не помните...

КАЗОТ. Ну почему же? Вы были с герцогиней де Грамон. У вас особое лицо. Мне оно показалось знакомым...

САНСОН. Вряд ли вам оно знакомо, сударь. Когда я работаю, мое лицо – под маской. Я палач.

КАЗОТ. Так вот в чем дело! Значит, это вас я видел там – под странным сооружением с висящим топором!

САНСОН. То есть, как это – видели, сударь?!

КАЗОТ (не отвечая). Итак, вы палач...

САНСОН. И, поверьте, с гордостью исполняю свою работу... Я подал прошение в Национальное Собрание. Стыдно сказать, но люди только двух профессий лишены у нас гражданских прав – палачи и актеры. Конечно, у нас с актерами имеется что-то общее – мы все высту-

паем на подмостках... Однако есть решающая разница: польза актеров часто сомнительна, но всегда несомненна польза палачей. И теперь я от имени всех палачей требую уравнивать нас в правах с другими гражданами.

МАРКИЗ ДЕ С. (появляется). Браво! Браво, палач!

КАЗОТ. Здравствуйте, маркиз!

МАРКИЗ ДЕ С. Гражданин маркиз... Ваши пророчества, любезный Казот, так испугали тогда герцогиню... Но, как видите, всё обернулось совсем иначе... Как великолепен, радостен революционный Париж! И просто наводнен недорогими красавицами. Вчера, охотясь на гризеток, я наблюдал постреволуционную фантазмагорию мод... Расшитое платье вельможи, рядом – фрак адвоката и нищее сабо простолюдина... И все – братья!

ГОЛОС РЕЖИССЕРА М. Это была нежная революция. Все, как у нас в феврале семнадцатого года... Бархатная революция, спрятавшая свой когти... *пока!*

МАРКИЗ ДЕ С. (хохочет). Никто теперь не работает, все выступают... Люди счастливо забыли слово «делать» – помнят только «говорить». Выступив на митинге, бегут в оперу-буфф, или в публичный дом, или в революционный клуб... Газеты плодятся, как кролики. И, главное, можно писать обо всем... У меня взяли пьесу, которую вчера объявляли непристойной. Ведь я – пострадавший от «проклятого режима»... Кстати, моя камера в Бастилии находилась в северном крыле – да, да, как раз на этом месте, где мы с вами сейчас пьем вино.

САНСОН. Смее спросить: за что же вы, сударь, сидели в Бастилии?

МАРКИЗ ДЕ С. Был женат. На скучной даме из семьи с восемью веками истории. Средневековые родители не смогли понять смелых экспериментов. Дело в том, дорогой месье палач, что я вовлек в любовные изыскания её родную сестру. И соединил их вместе в кровати, прибавив одну шлюху и одну герцогиню... За это меня и упекли в Бастилию... Хорошо сидим – философ, содомист и палач... Как революционна эта компания!

САНСОН. А что герцогиня? Вы ее видите?

МАРКИЗ ДЕ С. Мой дорогой друг! Зачем мне дореволюционные прелести, когда вокруг столько революционных.

ГОЛОС РЕЖИССЕРА М. Все время шумит толпа... Она хохочет, поет песни... И все время славит вождей Революции – будто кто-то включает и выключает динамик.

В великолепном камзоле со шпагой и в напудренном парике появляется герцог Орлеанский и рядом с ним – принц Лозен.

ТОЛПА (ревет). Да здравствует герцог Равенство! (Овация.) Да здравствует Лозен – бесстрашный генерал Революции! (Овация.)

МАРКИЗ ДЕ С. Какой скучный человек этот герцог... Захотел забрать корону у нашего толстяка...

Появляется Демулен в шляпе, украшенной дубовыми листьями, в обнимку с красавицей Люсиль – она в красном революционном колпаке.

ТОЛПА. Да здравствует Камиль Демулен! Отец штурма Бастилии! (Овация.)

Демулен целует Люсиль.

Оба весело кричат при каждом поцелуе: «Аристократов на фонарь!».

ТОЛПА (подхватывает). Са ира! Са ира! Это пойдет! Это пойдет!² Аристократов на фонарь! Да здравствует Камиль Демулен!

² Са ира – от франц. «*Ça ira*»; рус. «Ах, [дело] пойдёт!» или Ах, пойдут дела на лад!» – одна из самых знаменитых песен

МАРКИЗ ДЕ С. Где историческая справедливость?! Все славят этого уродца, призвавшего народ идти на Бастилию. Но первым, кто позвал народ крушить оплот тирании, был я, маркиз де Сад! За несколько дней до него, когда еще только начинались волнения в Париже, я уже орал из окна камеры: «Круши треклятую Бастилию!» Собралась грозная толпа, но меня оттащили от окна, увезли в сумасшедший дом. А я всегда ждал... жаждал Революцию! Я ее Иоанн Предтеча. И это поймут, когда мои сочинения будут изданы. Сочинения смельчака, открывшего, что жажда насилия – это жажда Революции. Вот тайный смысл человеческой природы. (Кричит.) Са ира! Это пойдет! Аристократов на фонарь! Род человеческий веселится на свободе, забросив скучные занятия! Школяры в отсутствие учителя...

КАЗОТ (дотоле молчавший). Точнее – овцы в отсутствие пастыря. Все вокруг потопчут, изгадят, а потом сами себя и погубят.

МАРКИЗ ДЕ С. Однако, какова попка... (Бросается вдогонку за прошедшей девушкой.)

САНСОН. Прощайте, месье Казот.

КАЗОТ. Скорее, *до свидания, палач!* К сожалению.

Действие третье – Плач Казота

КАЗОТ. Они уже пошли – часы революции. Волшебные часы, где минута равна веку. Лавина событий. Но тонущая королевская власть продолжит жить в прежнем неторопливом течении времени. И бедный король не сможет понять, куда исчезло его преданное дворянство, где они – верные вчера солдаты. Он не знает, что все уже волшебным переменялось, ибо за день Революции проходит столетие... Однако глух и слеп не только несчастный король. Слепы и они – наши просвещенные философы, вольнолюбивые аристократы. Ведь народ, который они освободили сегодня, уже завтра возненавидит освободителей. Торопливые часы мчат к невиданной крови. Начнут рушиться авторитеты опыта, таланта, происхождения. На вершины поднимутся исполины, которые при падении окажутся карликами. И топор нависнет над всеми... Горе тебе, Сион! Горе и мне!

По команде Режиссера М. танцевальная зала поднимается и становится эшафотом. Преображается и карета. Верх ее улетает к колосникам, и карета оказывается телегой палача.

В Национальном собрании.

Председательствует депутат Верньо.

ВЕРНЬО. Слово депутату доктору Гильотену.

ГИЛЬОТЕН. Граждане депутаты! Поступило обращение к депутатам от палача города Парижа Шарля Сансона. Предлагаю заслушать этого достойного человека. (Сансону.) У вас три минуты.

САНСОН. Граждане депутаты! Как известно, палачи казнят преступников, приговоренных законом. Однако откуда взялся этот позорный предрассудок – что мы, берущие на себя исполнение закона, считаемся гражданами второго сорта?!

ГОРЗА. Это справедливо! Каждый человек должен испытывать содрогание при виде палача, многократно лишавшего жизни своих ближних. Это основано на понятиях гуманизма.

САНСОН. Решительно возражаю! Палач – одна из самых гуманных профессий. Кто ободрит идущего на смерть? Палач. Кто старается причинить ему как можно меньше страданий? Палач! И если вы, господин Горза, не дай Бог, очутитесь на эшафоте... клянусь, вы оцените мою заботливость.

Смех в зале. Хохочет и Горза.

САНСОН. А ведь смеялся-то он зря...

ВЕРНЬО. Слово депутату Робеспьеру.

РОБЕСПЬЕР. Я не любитель длинных речей. Скажу коротко. Гражданин Сансон прав. Но, покончив с неравенством служителей эшафота, мы должны покончить и с неравенством на эшафоте... Как известно, головы рубят только дворянам. Простым людям суждено качаться на виселице. Защитим же равенство, граждане! Рубить головы следует всем!

САНСОН. Я в ужасе следил за тем, как они голосовали. Рубить голову *всем!* Сколько работы прибавится! И мне с ней попросту не справиться... После заседания я бросился к доктору Гильотену, этому замечательному человеку, так радеющему о нас – палачах.

Сансон и Гильотен.

ГИЛЬОТЕН. Вы хотите предложить виселицу для всех?

САНСОН. Нет-нет! Трупы повешенных портят нравы – преступники подолгу висят на потеху толпе. (Вздыхает.) Нет, доктор, отсечение головы – самый передовой способ казни.

ГИЛЬОТЕН. И как прекрасно, что, благодаря революции, этим передовым способом теперь смогут воспользоваться все!

САНСОН. Но сколько может быть таких казней? (О, если бы я мог тогда представить!) И какой поистине железной должна быть рука палача... Ведь если осужденных будет слишком много, устанет рука, и казнь обратится в страшные мучения...

ГИЛЬОТЕН. Мне нравится, что вы заботитесь о высоком качестве своей работы... Значит, следует найти механизм, который действовал бы вместо руки человека!

САНСОН. Bravo! Именно!

ГИЛЬОТЕН (с упоением). Конечно! Нужна машина! Мы обратимся к нашим ученым. В век Революции передовая нация должна казнить передовым способом!

САНСОН. Bravo!

ГИЛЬОТЕН. Механизируем вашу работу! С наслаждением общаюсь с вами! Нечасто встретишь такого думающего палача.

САНСОН. Все – для блага Отечества, гражданин... И у меня уже есть на примете один изобретатель.

САНСОН. Вечером ко мне пришел Шмидт – немец, настройщик пианино, один из тех двух-трех людей, друживших со мной в те годы.

Дом палача Сансона. Входит Шмидт.

САНСОН. Воскресными вечерами мы с ним играем дуэтом – он на клавишине, я на виолончели. И моя жена Мари – у нее отличный голос – поет... Да, наконец, я женился. С возрастом страсти улеглись, и дочь палача из Марселя дала мне тихое семейное счастье... Шмидт – прекрасный механик, и я поведал ему о своих затруднениях.

Шмидт и Сансон играют арию Орфея. Мари, Шмидт и Сансон вместе нежным хором поют: «Потерял я Эвредуку, Эвредуки больше нет...»

ШМИДТ. Надо, чтобы твоя приводила человека в горизонтальное положение... Она самая удобная для любого механизма... (Все втроем продолжают петь: «Потерял я Эвредуку, Эвредуки больше нет... Больше нет!») Жди моя до воскресенья... Моя будет думать.

САНСОН. И чудо! Уже в следующее воскресенье Шмидт придумал. Я позвал Гильотена. В то воскресенье у нас как всегда проходил музыкальный вечер...

Сансон, Шмидт, Гильотен и Мари – жена Сансона.

Мари поет: «Потерял я Эвредуку, Эвредуки больше нет... Больше нет!»

САНСОН. Гражданин Шмидт изучил все способы, применявшиеся прежде. Сохранились две немецкие гравюры Луки Кранахского и одна итальянская – Ахила Бончи, рисующие механические способы казни. (Разворачивает чертеж.)

ШМИДТ. Но моя сделала сама. Ставь два столба, и между ними висит лезвие. Она движется между столбами.

САНСОН. Осужденный при этом лежит на животе, привязанный к доске.

ГИЛЬОТЕН. Прекрасно! Использует право на последний отдых... К тому же это не только поза отдыха – это поза любви, если хотите... Это важно для наших депутатов-гуманистов.

ВСЕ (поют). «Потерял я Эвредуку... Эвредуки больше нет...»

ШМИДТ. Она... осужденный кладется на доску точно под лезвие. Лезвия опускается и поднимается при помощи рычага. Раз (радостно) – и лезвия летит прямо на шею.

САНСОН (поясняя). Дернул веревку – и уже лезвие скользит между двух перекладин и точно падает на шею осужденного. Как это облегчит наш нелегкий, вековой труд!

ГИЛЬОТЕН. Bravo! Bravo! (Все по очереди целуют Шмидта.) Сегодня счастливейший день моей жизни!

ВСЕ (поют хором страстно). «Потерял я Эвредиду... Эвредики больше нет».

ШМИДТ. Но мой не хочет вмешивать себя в этот штурк. Не надо говорить про мой.

САНСОН. Я предлагаю назвать этот... не побоюсь слова «великий»... великий механизм в честь главного энтузиаста – доктора Гильотена!

ВСЕ (хором). Гильотина!

ГИЛЬОТЕН (прослезившись). Благодарю вас за доверие, друзья мои...

САНСОН. Однако в Национальном Собрании потребовали медицинского заключения. Первый медик Франции – лейб-медик короля месье Луи Дерю находился в Версале. И я отправился к нему... Как изменился великий дворец! Я шел по пустым великолепным залам... Несколько слуг с жалкими, испуганными лицами, увидев меня, тут же попрятались... Пока я ждал приема, слышался грохот колес по булыжнику. Это уезжали кареты. Вчерашние вельможи – «наши», как их звала Мария-Антуанетта, спешили покинуть опасный дворец и своих владык.

ЛЕЙБ-МЕДИК. Здравствуйтесь, месье Сансон.

На столе, покрытом зеленым бархатом, Сансон раскладывает чертеж.

Потом на доске, висящей на стене, мелом чертит топор гильотины – в форме полумесяца.

ЛЕЙБ-МЕДИК. Его Величество, конечно же, заинтересовался подобной переменной в исполнении наказаний...

САНСОН. Безвластный король номинально оставался главой нации. К тому же, король... обожал слесарничать!

Входит король в черном камзоле. Нарочито не замечая Сансона, он рассматривает на доске рисунок топора.

КОРОЛЬ. М-да. (После паузы доктору Луи.) Что думаете вы?

ЛЕЙБ-МЕДИК. Мне кажется, это весьма удобно...

КОРОЛЬ. Удобно... (Усмехается.) Очень удобно... М-да... Но уместен ли тут такой изгиб? Я говорю о форме лезвия. (Подходит к доске.) Лезвие подобной формы придется впору не каждой шее. Для одной оно будет чересчур велико... В то время как толстую шею ваше лезвие даже не охватит...

САНСОН. И тут я инстинктивно взглянул на его шею, которая была хорошо видна из-под тоненьких кружевных воротничков. Шея короля явно превышала размер, заданный Шмидтом лезвию гильотины...

КОРОЛЬ. Я уверен, что куда правильной... вот так!.. (Король заменяет полукруг лезвия одной косой линией. По-прежнему не оборачиваясь, стараясь не глядеть на Сансона, обращается к лейб-медику.) Видимо, это *тот* человек? Спросите его мнение о моем предложении...

САНСОН. Думаю, замечание Вашего Величества превосходно. (На лице короля появляется довольная улыбка)... Я, было, откланялся, но уехать мне не удалось...

Играют тревогу.

Вбегает командир швейцарских гвардейцев.

КОМАНДИР. Ваше Величество! Голодные женщины... Они вооружены... Подходят к ограде дворца!

САНСОН. Сразу после Революции всё начало куда-то исчезать. Исчез и хлеб в Париже... Как я узнал, уже вернувшись, чья-то рука... думаю, в перстнях, ведь в заговоре участвовал герцог Орлеанский... ударила в барабан. И шесть тысяч «библейских Юдифей», шесть тысяч

голодных женщин пошли на Версаль. В тот день с утра шел ледяной дождь. Они шли ко дворцу, задрав юбки и покрыв ими голову. Шесть тысяч дам с задранными юбками! Это был галантный поход!

КОМАНДИР. Ваше Величество... Под юбками у многих «дам» – очень волосатые ноги. Ваше Величество, там множество переодетых мужчин!

КОРОЛЬ. М-да...

КОМАНДИР. Ваше Величество, прикажите картечью...

КОРОЛЬ. М-да... Наш великий прадед рекомендовал: «Даму можно ударить, но только цветком»... Пропустите их, сударь. И пусть выберут депутацию, я приму их. (Сансону, не обращаясь.) Прощайте... Как назван ваш механизм?

САНСОН. «Гильотина» – в честь депутата Гильотена.

КОРОЛЬ. В честь депутата... (Усмехается.) Это славное название.

САНСОН. Но выйти из дворца было невозможно, везде толпился народ... И мы вернулись в залу.

Король сидит, окруженный промокшими торговками рыбой.

КОРОЛЬ. Мне весьма приятно видеть красавиц славного города Парижа.

ТОРГОВКА. Ваше Величество... Ваше Величество... (Падает без чувств.)

КОРОЛЬ (не без любопытства). Она умерла?

ЛЕЙБ-МЕДИК. Нет, сир, от избытка чувств она вовсе лишилась чувств...

ТОРГОВКА (очнувшись). Ваше Величество! (Почти плачет.) Вы точно такой же, как на монетах... точно такой же!

КОРОЛЬ. М-да... Мне сообщили о ваших нуждах, сударыни. Мы приказали, чтобы мука из подвалов Версаля уже с утра отправилась в Париж. А сейчас, милые дамы, время позднее, идите спать. Вас накормят и разместят.

ТОРГОВКА (повторяет). *Милые дамы...* это мы! (Рыдает.) Ваше Величество... Вы разговариваете, а я будто держу в руках золотой экю!

САНСОН. Дам устроили в помещениях для прислуги. И я наконец-то покинул дворец. Уже в Париже я узнал продолжение. Посреди ночи топот сотен ног разбудил Версальский дворец... Это было действие, заготовленное парижским отцом похода. Через тайные ходы, которые никто не знал, кроме принцев крови, толпа проникла во дворец. Утром королевскую семью ждало великое унижение – чернь, заполнившая двор, потребовала, чтобы Людовик и Мария-Антуанетта с дофином вышли на балкон... Выйдя, они увидели головы несчастных гвардейцев – они качались на пиках над вопящей, проклинаящей толпой, которая ревела: «Короля и австриячку – в Париж!»

Так выиграл принц Орлеанский... Безвластных короля и королеву, окруженных толпой, повезли в Париж – в старый дворец Тюильри...

В это время я сидел в Национальном собрании, где выступал доктор Гильотен...

Национальное Собрание.

ГИЛЬОТЕН. Граждане депутаты, сегодня поистине великий день! Во-первых, впервые в истории Франции равенство будет даже на эшафоте. Отныне всех казнят одинаково! (Овация.) Во-вторых, вы сейчас ознакомитесь с гуманнейшим из изобретений нашего великого века. Лежащий на доске лицом вниз... можно сказать, отдыхающий осужденный не видит нависшего над ним ужасного лезвия. Палач дергает за веревку, и осужденный (говорит нежно) чувствует лишь слабый ветерок над шеей... (Весело.) И все! Поверьте, граждане депутаты, эта машина так отрубит вам голову, что вы даже не почувствуете.

Хохот депутатов.

ВЕРНЬО. Тише, граждане. Переходим к голосованию... (Голосуют.) Национальное собрание одобрило гильотину единогласно. (Овация.)

ГИЛЬОТЕН (обнимая Сансона). Оно пришло – новое время!.. Вложи свой меч в ножны навсегда, труженик эшафота. Теперь палачу не нужна грубая сила. Теперь палачом у нас может стать любой! Нет мучений, но есть наказание!

САНСОН (усмехается). Избавлены от страданий? Милый доктор, к сожалению, есть тайна, известная любому палачу: помимо мучений от казни, жертвы испытывают страдания, которые следует назвать посмертными. Если бы вы видели, как содрогается обезглавленное тело, испытывая нестерпимую боль уже после отсечения головы... И как мучается душа!

ГИЛЬОТЕН (изумленно). Вы верите в душу?

САНСОН. В нее верят все палачи. И некоторые из нас видели, доктор, как отлетает от тела... это белое облачко.

ГИЛЬОТЕН. По решению собрания испытаем гильотину на овцах.

Сансон и лейб-медик короля.

ЛЕЙБ-МЕДИК. Говорят, сегодня утром отменены титулы, гербы, ливреи лакеев. И как же теперь у нас будут зваться принцы крови?

САНСОН. Как все граждане – по фамилиям... Впрочем, герцогу Орлеанскому народ дал титул – гражданин Равенство!.. Дерните за веревку. (Крик овцы.)

ЛЕЙБ-МЕДИК. Удачно! Но, гляжу, народ сам начал исполнять вашу работу. На фонарях качаются аристократы. Кстати, один – у вашего дома.

САНСОН. Его сняли утром.

ЛЕЙБ-МЕДИК. Значит, этот новый. Качаются вместо фонарей... Ибо фонари все разбиты... хлеба нет... Почему после революции все исчезает? (Сансон молчит.) А вы уже... боитесь разговаривать... При короле не боялись... Что делать, свобода, равенство, братство!.. Дергайте! (Крик овцы.) Король вчера решил выехать в Сен-Клу на пасхальную литургию. Но национальные гвардейцы ему не разрешили. И наш великий революционер маркиз Лафайет, командир гвардейцев, не смог уговорить кучку своих негодяев. Они уже не подчиняются ему. Власть захватывает городская коммуна, то есть, чернь!.. Поверьте, скоро и Лафайет, и герцог Равенство выпьют напиток, который сами приготовили.

САНСОН (по-прежнему не отвечая). Последняя овечка... Дергайте! (Крик овцы.) Bravo! Его Величество оказался прав. Это идеальный вариант лезвия... Гильотина готова!

ЛЕЙБ-МЕДИК. Что ж, можно запускать на эшафот людей.

Ночь в доме Сансона. Слышны выстрелы пушки.

МАРИ (просыпаясь). Что-то случилось?

Вбегает Жако.

ЖАКО. Поднимайся, Шарло! Король и австриячка сбежали из Парижа... Я думаю, у нас теперь будет много работы.

//Место?// Гул набата и шесть пушечных выстрелов.

КАЗОТ. И опять заспешили часы Революции... Король задержан в Варенне. (Набат.) Король возвращен в Париж... (Набат.) Толпа ворвалась в Тюильри... Король низложен и увезен в тюрьму Тампль... Власть в Конвенте у крайних. Всем заправляет Коммуна Парижа... Са ира. Это теперь пойдет!

Кабинет Шометта – прокурора Коммуны. Шометт вручает Сансону приговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.